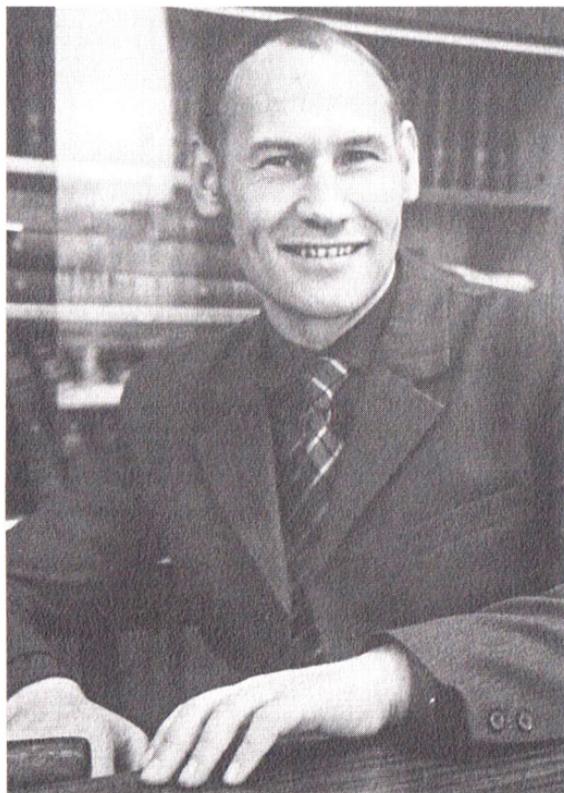

Ki 1431417

вог

ВОЛОГДА-XXI ВЕК

Василий ОБОТУРОВ

ЗАЛОЖНИКИ

«Вологда. XXI век»

Василий ОБОТУРОВ

ЗАЛОЖНИКИ

(По поводу крестьянской трилогии
Василия Белова «Час шестой»)

Василий ОБОТУРОВ

Василий Александрович Оботуров родился в 1938 году в семье паровозного кочегара, вчерашнего крестьянина, в селе Говорово Вологодского района, которое уже через год вошло в «черту города» и ныне затерялось в новостройках. Так волею судьбы и кинуло его из деревни в город, что позднее так или иначе сказалось на литературных интересах.

Окончил Вологодский пединститут, работал в районных газетах, был редактором газеты «Вологодский комсомолец», позже издателем. В те годы и началась его работа в литературной критике: публиковался в областных газетах, в журналах «Север», «Молодая гвардия», «Наш современник» и других.

Автор сборников статей «Степень родства» (М., 1978), «В буднях» (1988), монографий о С. Видулове, А. Яшине, С. Орлове, Н. Рубцове. Творчество писателей-земляков стало основой работы Василия Оботурова, но были еще и многочисленные статьи и рецензии о писателях-современниках и полтора десятка составленных им книг.

Член Союза писателей России, Лауреат Всероссийской литературной премии «Звезда полей» имени Николая Рубцова.

ПУТЯМИ ВЕКА

Время итогов — не самое радостное в жизни любого человека, но значительное, если годы и десятилетия прожиты не зря. Время, отпущенное Василию Ивановичу Белову, исполнено великого труда и неподражаемого творчества, искреннего и глубокого в каждой его строке.

Место и роль Василия Белова в литературе наших дней очень заметны. Это сознают многие, хотя, может быть, и не в полной мере. Пришел писатель к читателям скорее незаметно, чем шумно, своей повестью «Деревня Бердяйка» (1961). Первая рецензия на нее появилась только спустя два года: шумели в критике тогда о «звездных мальчиках». А Белов на моду не падок и, кажется, знал свое предназначение едва ли не изначально. Уже «Привычное дело» (1966) возбуждает интерес, который и сейчас не утратился.

Основательно осваивая уроки русской классики, В. Белов и сам не понаслышке знает народную жизнь. Вот что он пишет о себе в автобиографии:

«Я, Белов Василий Иванович, родился 23 октября 1932 года в д. Тимониha, Харовского р-на, Вологодской области, в семье колхозника. Отец, Белов Иван Федорович, погиб в 1943 году на фронте, мать, Белова Анфиса Ивановна, работала в колхозе... В 1945 году я закончил Азлецкую семилетнюю школу. В 1944 году вступил в комсомол. До 1949 года работал в колхозе, затем учился в школе ФЗО № 5 (г. Сокол), где получил специальность столяра 5-го разряда. Работал в Монзенском СМУ (ст. Вохтога). Там же получил специальность моториста-дизелиста. Затем работал на ЯРМЗ № 3 электромонтером. С мая 1952 г. по декабрь 1955 г. служил в Советской Армии... После демобилизации я работал столяром на заво-

де г. Пермь. Затем переехал на родину в Вологодскую область и работал сотрудником Грязовецкой районной газеты, а также первым секретарем Грязовецкого РК ВЛКСМ. Учился в вечерней школе и в 1959 г. получил аттестат зрелости, в том же году поступил учиться в Литинститут им. Горького. Закончил его в 1964 году. С этого времени занимаюсь литературной работой».

И вот появляются год за годом рассказы «Весна» и «Под извоз», «На Бобринском угоре» и «За тремя волоками», повесть «Плотницкие рассказы» и пьеса «Над светлой водой», роман «Кануны» и цикл «Воспитание по доктору Споку», снова рассказы, пьесы «Районные сцены» и «Бессмертный Кошей», наконец, книга «Лад». А как бы между делом появились «Бухтины вологодские», «Случайные этюды», юмористическая повесть «Целуются зори» и с нее одноименный фильм...

Не стремясь называть произведения В. Белова в разных жанрах в последовательности точно хронологической, я хотел показать, как от одной деревеньки идет писатель в мир, все шире охватывая явления, преодолевая тематические рамки, глубоко пропахивая действительность.

И куда только критики не толкали Василия Белова: и к современности после «Привычного дела», и утверждали, что драматургия — это не его стихия... Ан нет, он шел сам по себе.

С первых шагов в литературе Белов — писатель, осваивающий прежде всего современность. И «Привычное дело» — это повествование вовсе не «из прошлого одной семьи», как было означено в первой публикации, но из самого, что ни есть настоящего. А обращение к прошлому, к истории и в формах сатиры («Бухтины вологодские»), и в форме объективного повествования («Кануны») вызвано теми же интересами современности. Оно отразилось углублением философской мысли и в городских повестях, и в новых пьесах...

Поиск корневых закономерностей более всего волнует Василия Белова в «Канунах», но не оставляет сомнений вера писателя в торжество жизни и добра. Оно легко не дается: борьба добра и зла извечно идет в мире и только в разные времена принимает различные обличия. А как в наши дни? На этот вопрос Белов отвечает, показывая самое сложное противостояние современности: превращение России сельской в Россию индустриальную.

Из деревни в город давно уже, более столетия (а точнее всегда — с тех пор, как стали возникать города) проложены тропинки: в Славяно-греко-латинскую академию, в мастерские шли без возврата парнишки. Не толь-

ко у нас — во всем мире. Еще Иван Шмелев в начале века писал у нас об этом, а потом Александр Малышкин («Люди из захолустья») и другие. Иначе пишут о переходном состоянии человека, из деревни пришедшего в город, У. Фолкнер (США) и Ю. Кавалец (Польша).

Теперь, когда уже не тропа, а широкая пыльная дорога прошла в меняющихся условиях, своих деревенских героев нашли в городе Василий Шукшин и Василий Белов. Только порою там, где Шукшин видит отклонение от «нормы» (отсюда и герои его — «чудики»), Белов открывает явление. И явление это — сложность адаптации в городской среде того человека, который сформировался в деревне. Помочь в таких обстоятельствах человеку — прямая обязанность литературы, а для этого сами писатели должны обладать внутренней устойчивостью: от мятущегося много ли душевного опыта наберешься?

Сохранить цельность натуры В. Белову помогло, надо полагать, историческое чутье и крепкий народный юмор. Во всем у него мы найдем здравый смысл, доступный каждому, а для человека думающего всегда откроется и нечто запредельное обыденности. Для достижения этого оказывается решающей способность писателя отказываться от однажды найденного, преодолевать себя в поиске новых художественных путей и решений.

Да, увы! Константин Зорин («Плотницкие рассказы» и цикл «Воспитание по доктору Споку») стал пленником и данником города, так и не привыкнув к нему. И не случайно городские рассказы Белова вызвали в критике бурную полемику. А роман «Все впереди» (1986), явившийся на заре «перестройки», вызвал буквально критический шквал. Писателя загоняли в «свой огород», в деревню, но годы с тех пор только подтвердили правоту писателя в его оценках и прозрениях. Даже об «автономии крестьянской избы» нынешний энергетический кризис позволяет говорить как о глубоком провидении. Да только ли это!..

Сопоставление различий учит чуткости в освоении жизненного материала и дает простор для интуиции в тех случаях, когда писатель обращается к опыту, недоступному для непосредственного наблюдения. И в «Канунах» Белов удобно, на своем месте, почувствовал себя как в деревне конца двадцатых годов, так и среди тружеников первой пятилетки — на старом московском заводе и в коммунальной квартире. А широта обзора в свою очередь обеспечивает глубину постижения действительности, не ограниченную ни локальностью целей, ни тематической узостью.

Ставить себе максимальные задачи, учиться снова и снова Василий Белов умеет, вот почему и выходит на главные направления развития

в современной литературе. Так, одна за другой в последние годы появляются в театре инсценировки прозы — М. Шолохова, М. Алексеева, В. Распутина и многих, многих других. И это понятно. зритель хочет знать серьезность суждений о жизни, к которым он привык в прозе, и на сцене тоже. А наша драматургия, в основной своей массе, слишком долго носившая платя, сшитые по готовым выкройкам, к серьезному разговору пока не готова. Поневоле театр обращается к инсценировкам прозы, а не надежнее ли другой путь — поднять драматургию до уровня достижений прозы? Ведь инсценировка — что ни говорите — перевод, адаптация и неизбежно вторична, а во вторичности — гибель искусства.

Как раз Василий Белов, обратившись к драматургии, не пошел по пути наименьшего сопротивления, — он не прибегает к инсценировкам, а создает оригинальные пьесы. В районных сценах («По 206-й») он исследует механизм переливания личных отношений в общественные. — здесь истоки, от которых зависит истинность демократизма нашего общества. Написанная прекрасным белым стихом, гибким и необходимо точным, пьеса-сказка «Бессмертный Кощей» говорит об отношении человека к миру, в котором живет он, с острой бескомпромиссностью, но без какой бы то ни было тенденциозности. Такого масштаба и глубины социального исследования, явленного в формах простых и динамичных, наша драматургия не знает.

Тою же мерой отмечены последние две пьесы Василия Белова, очень разные как по тематике, так и по художественным приемам. Он одинаково уверенно чувствует себя в веке тринадцатом («Князь Александр Невский») и в наши горячие трагические дни («Семейные праздники»). Историзм — неотъемлемое свойство таланта В. Белова, и оно проникает художественную ткань пьес не только о далеком прошлом, но и задает живое дыхание сценам о днях сегодняшних, придавая им судьбоносный смысл.

А с другой стороны — книга «Лад», опять же ни на что не похожая ни в творчестве Белова, ни в современной литературе. Иному писателю материала, заключенного в этой вещи, хватило бы на десяток романов. Между тем, Белов щедро выплеснул неизмеримое богатство, не гнушаясь очерковой формы, и создал художественно цельный образ мира, в котором жили наши недавние предшественники. У нас теперь иная жизнь, но мы — дети русских крестьян, а родительский опыт никогда лишним не будет. Это истинная поэма добра — книга «Лад» и в то же время — подлинная энциклопедия русской крестьянской жизни.

«Лад» не была первой книгой в творчестве писателя и тем не менее сопровождала его от родимых истоков, определяя все его художественные поиски, олицетворяя в них главное. Жизнь всегда несет в себе горечь утрат, и это В. Белов познал сполна. Но писатель никогда не мирился с разладом, навязанным нам злою волей.

Нет, он не прятался в легендарное прошлое, в Белогорье, но, памятуя о традициях, отстаивал народные идеалы и в прозе, и в драматургии, и в публицистике. А слово публициста у Василия Белова переходило непосредственно в дело. Не от тщеславия, но только ради дела стал он депутатом Верховного Совета, — чтобы иметь возможность отстаивать интересы крестьянства, вечного «должника» паразитов всех мастей. Не имея возможности пробиться в печать с критикой авантюрного «проекта века» — переброски северных рек (мне самому довелось видеть гранки статьи на эту тему в «Правде», так никогда и не опубликованной), он использует любую возможность. Юрий Бондарев включает беловские тезисы, сократив свое выступление на съезде писателей. Сергей Залыгин обращается в писательскую организацию Вологды по этому вопросу. А уже после этого появляются публикации на эту тему в «Новом мире». И скоро волна общественного возмущения широко разлилась, и в ней захлебнулись ретивые проектировщики. А Белов? Он скромно остался в стороне, в тени — он сделал свое дело и был первым на линии огня.

И так — во всем.

Неведомым читателю подвигом и главным творением Василия Белова стала его крестьянская хроника. Первая часть «Канунов» опубликована в 1972 году. И стала она зачином мощной эпопеи о судьбах крестьянства и самой России. Эпопеи, перевернувшей представления о новейшей истории, рядом с которой нет ничего равного. Не случайно, история издательских мытарств книг «Кануны» и «Год великого перелома» сама по себе своеобразная и горькая эпопея. Но теперь это величественное создание мужественного таланта навсегда с нами.

Наши дороги века прошли через русскую деревню и разметались во все концы света. Немало заблудившихся в бескрайности этих дорог, немало мятущихся в поисках опоры. И рядом с ними живет большой русский писатель Василий Белов, человек с обостренной совестью, знающий сомнения и мучения, но никогда не лгущий ни себе, ни другим. И в честности его книг люди находят веру в жизнь, в торжество добра и правды.

1981, 2002

ОТШУМЕВШАЯ ЖИЗНЬ

Конец крестьянской Атлантиды

Р о м а н «Кануны»

*Какая жизнь отликовала,
Отгоревала, отошла!..*

(Н. Рубцов. По вечерам)

Одни из них уже ушли в небытие; другие, что были тогда молоды, доживают свои дни по деревням и городам. Жизнь тех, кто проводил и пережил коллективизацию,— отшумевшая жизнь, для нас ставшая историей. «Сколько перепахано было земли, пролито пота? О, хлеб насущный! Многотрудный, всесильный наш!.. Господи, господи... И днем и ночью гласишь, в зиму и лето, от рожденья человеческого до смертного краю... Приди в закрома! Дай силу рукам человеческим, ясную зоркость уму и торжество бессмертной душе! Младенца установи на крепкие ноги, вдовицу утешь, приласкай сироту. Недруга напитай! Пускай потухнет его лютая злоба и стихнет потрясение нестойкой души. С тобой да сгинут везде страдания и смуты...»

А горячи до сих пор древние слова, навеянные Василию Белову в «Канунах» думой о вековых заботах крестьянина-кормильца; этих забот и на наш век достанет...

Роман В. Белова вышел уже неоднократно и вызывает неостывающий интерес читающей публики, однако критика не торопится со своими оценками, между тем с азартом споря о вещах далеко не первостепенных. Может быть, медлительность в чем-то и оправдана — не так уж просто разобраться с этим произведением: оно представляет собою качественно новое явление в литературе, посвященной теме коллективизации деревни.

И читатели не сразу поняли и приняли «Кануны» (и сейчас я не буду уверять, что приняли все из тех, хотя бы, кого знаю). Поначалу, исходя в своих оценках из эстетических установок, принятых на себя Беловым в «Привычном деле», разочарованно говаривали: «Не то!..» В самом деле, динамическая подвижность сцен не вдруг открывает характеры. Тем более роман — не «история одной семьи», и сосредоточенное внимание к двум-трем героям — как принцип — уступает место иным способам организации материала. И обращение писателя к коллективизации, которая мно-

гим представляется ясной до конца, казалось уходом от современности, отчего и своеобразие подхода Белова к прошлому недопонято.

Многие, мне приходилось слышать, читали «Кануны» не однажды, прежде чем — при видимой простоте романа — уловили его самобытное богатство, и теперь говорят о нем, не скрывая своих бескорыстных читательских восторгов. Еще бы не радоваться, — ведь это радость самостоятельного открытия нового художественного мира. Но, наверное, пора и критике сказать свое слово, и, я уверен, будет сказано немало, только — когда? — вот вопрос...

Конечно, пока мы имеем дело с одной из нескольких задуманных книг. Ни события, ни характеры не развернуты в полной мере, но роман уже существует как цельное произведение. Потому, хотя бы, что картины народной жизни набросаны широко, вольно и с тою выразительностью, какой мы давно не встречали в нашей далеко не бедной прозе. И потому еще, что каждый персонаж в «Канунах», порою едва намеченный, живет своей собственной жизнью, обрел черты для дальнейшего развития. Легко предположить, как повел бы себя тот или иной герой в различных ситуациях, и сам писатель обязан уже считаться с логикой характеров, силою его воображения наделенных безусловной самостоятельностью.

В каких еще обстоятельствах проявят себя герои В. Белова, это — будем надеяться — нам станет известно позже. А обстановка «Канунов» развилась уже от умиротворенного спокойствия и веселой удалости рождественских праздников до шумного собрания, разделившего деревню на три списка — по классовой принадлежности — вместо привычных шести, отражавших уровень достатка. Тревожно отгуляла деревня Казанскую — многолюдный летний праздник между сенокосом и уборкой урожая, — с дракой парней, наездом чрезвычайной комиссии из уезда. А дополнительное обложение налогом крепких мужиков по осени поднимает напряжение в деревне, уже, кажется, до предела...

В тревожном ожидании новых перемен жизнь каждого из героев В. Белова идет между тем своим чередом, в привычных повседневных трудах и занятиях. Для них еще впереди то, о чем мы уже знаем. Они, полные опасений и надежд, прожили 1928 год... Да, мы знаем больше их, знаем, что им предстоит. Но дает ли нам что-то их опыт, по-своему осмысленный писателем? Ведь история не повторяется — она состоялась, и ни одного камня не вынуть из прошлого, ни одного не подменить. Не меняется история, но подвижны наши представления о ней, — время вносит свои поправки. Потому-то и теперь нас будоражат страсти той нелегкой поры.

Советская литература сделала немало для того, чтобы история еще недавних в общем-то десятилетий осталась для нас в картинных образах, ожила в неповторимо драматических судьбах людей. Мировой известностью по праву пользуется роман М. Шолохова «Поднятая целина», первую книгу которого от второй отделяет почти четверть века. И понятно, что изменившийся уровень общественного сознания сказался в различии принципов подхода писателя к жизненному материалу. А следующие двадцать лет предопределили не меньшие сдвиги в жизни общества и литературы.

Романы о крестьянстве, созданные в конце двадцатых — начале тридцатых годов Ф. Панферовым, К. Горбуновым, П. Замойским, И. Макаровым, А. Дорогойченко и многими другими, ныне основательно забытыми авторами, широко показывали быт доколхозной деревни. Пьяные скандалы, грязь, поножовщина, сомнительные любовные коллизии, — короче, самые темные стороны деревенского быта занимали писателей.

Подобная направленность оправдывалась целью доказать необходимость перестройки жизни на новых, коллективных началах, но, тем не менее, картина народной жизни рисовалась односторонне. Богатство нравственных и трудовых традиций русского крестьянства оставалось в тени. Кроме того, язык крестьянских романов далек был от живого народного языка, искажался и вульгаризовался, о чем тогда же с беспокойством писал А. М. Горький. Ясно, что такой язык не мог со всей объективностью рассказать о деревне той поры.

Вторая волна интереса к великому перелому в деревне выплеснулась четверть века спустя, в середине пятидесятых годов («Ручьи весенние» Е. Пермитина, «Ненависть» И. Шухова и т. д.), но принципиально нового подхода к теме она не обнаружила: новые романы оказались внешней перелицовкой старых. Иное отношение к материалу, уже, казалось бы, отработанному литературой, нашел тогда опять же Михаил Шолохов.

«Во второй книге, — говорил Шолохов, — мне хочется бытописать. Уж больно ядрен и любопытен колхозный быт. И представляется мне, что несколько иронический термин «бытописатель» теперь теряет остроту иронии. Нужно бытописать и лестно быть бытописателем! («Известия», 1935, 10 марта). И два десятилетия спустя эта программа была реализована во второй книге «Поднятой целины». Нетрудно заметить ориентацию писателя на изображение нового в быту. Но на пустом месте новое не вырастает. И не удивительно, что в хронике «На Иртыше» (1964) С. Залыгин уделяет немало внимания быту доколхозной деревни — насколько это было возможно в узких рамках повести.

В центре хроники С. Залыгина — образ Степана Чаузова. Это сильный и гордый человек, рассудительный и в то же время порывистый, но что самое главное в нем — это безграничное трудолюбие. Экономическая, социальная, политическая проблематика повести Залыгина находит выход в бытовом преломлении, и отсюда пластически, как бы само собой вытекает главное, что интересует писателя: нравственный итог переплетения политических интересов. Такой подход предопределил новизну и современность хроники С. Залыгина «На Иртыше», положившей начало новому этапу отражения перемен в жизни деревни.

Отдельные стороны этого процесса нашли выражение в «Последнем поклоне» В. Астафьева. А вслед за «Канунами» В. Белова, в самое последнее время, появляются одно за другим новые произведения о той далекой поре: «Мужики и бабы» Б. Можяева, «Кукоара» И. Чобану, «Касьян Остудный» И. Акулова. Романы эти неравноценны, но в них немало общего, во всяком случае, опыт С. Залыгина не прошел мимо их авторов.

Для всех названных писателей характерно стремление художественно осмыслить предпосылки коллективизации, и потому обращаются они, будто сговорившись, к 1928 году или, во всяком случае, к начальному этапу перестройки деревни. Общим для всех оказывается и углубленный интерес к характеру крестьянина-труженика, который открывается нам в широком бытовом и социальном планах как личность самостоятельно думающая и граждански ответственная.

В современной прозе четко определился впервые заявленный у Залыгина новый подход к изображению быта старой деревни, — уже советской, но еще доколхозной. Именно тогда выразился во всем лучшем «тысячелетний уклад русской жизни» (говоря словами писателя). В лучшем, потому что крестьянин, избавленный от засилья кулака и лавочника, трудился на своей земле, полученной от Советов, для себя и своей страны и жил, освобождаясь в новых условиях от диких пережитков, с доверием в основной массе относясь к начинаниям социалистического государства.

Важно отметить, что цель бытописательства становится сейчас принципиально иной, чем в двадцатые-тридцатые годы. Незачем уже кого бы то ни было убеждать в пользе коллективизации. Нет нужды и бичевать старый быт — он ушел навсегда. А вот сохранить в памяти потомков его лучшие черты и традиции есть настоящая необходимость.

Впервые в современной прозе Василий Белов развертывает картины народной жизни в канун коллективизации на широком эпическом фоне, показывая нам традиционный уклад крестьянской жизни в небывалой

доселе полноте, добиваясь смысловой и эстетической полноты звучания каждого слова. Его герои живут этим укладом, и потому роман не страдает описательностью — быт существует в единстве с жизнью героев во всей своей пестроте и противоречивости переходного периода.

К полноте изображения жизни в художественно необходимых связях стремится В. Белов, отсюда значительно и количество персонажей в романе: крестьяне от мала до велика, городские рабочие, бывший дворянин и священник, партийные и советские работники. Широко охват времени и пространства в «Канунах». Как бы мимоходом нам открыта предыстория героев и с тревожной напряженностью провидится завтрашний день.

Действие свободно и плавно переносится из лесной деревни Шибаниха в Вологду и Москву — мы присутствуем при беседе секретаря губкома партии, побываем в приемной Калинина. Из крестьянской избы в городскую коммунальную квартиру, с игрища в контору сельсовета, со сватовства или свадьбы на рубку леса или на крестьянское собрание ведет нас писатель.

Конечно, чаще всего мы видим тех людей, кто растит хлеб, — в чередовании губернских и московских сцен налицо очевидное нарушение ритма: наибольшее внимание уделяется жизни деревни. Но читатель посвящен и в действие тех незримых для крестьянина пружин, которые определяют ход его жизни... В соответствии с развитием действия меняются ракурсы видения: иногда глазами автора, в других случаях — того или иного героя. Прямое следствие этого — разнообразие интонации, стиля и, разумеется, языка повествования.

Медлителен, плавлен тон беловской прозы, когда пишет он вечер в крестьянской избе с извечными домашними занятиями (дед ложку деревянную режет, глава семейства завертки вьет, сбивает сметану его жена, а дети — один вершу плетет, другая прядет куделю), с неспешными разговорами. Брызжет грубоватым юмором беседа мужиков, написанная с перепадами настроения, динамичностью диалогов. Озорством, неуемностью дышат ребячьи святочные забавы, а приключения попа Николая в Москве — курьезностью. Морозная рождественская ночь в деревне исполнена тихой благодати, а зимняя столица открывается восхищенному провинциалу в таинственном, праздничном облике.

Рассказывая о труде и быте рабочих московского завода или о жизни губернского центра, писатель так же точен в конкретных деталях и языке, всегда соответствующем своему предмету, как и в показе деревни. Появление на страницах романа дворянского интеллигента Прозорова или

священника Сулоева тоже с неизбежностью влечет за собою изменения в самом строе авторской речи. Так, если душевная жизнь крестьянина открывается в его слове, жесте, поступке и никогда почти в развернутом внутреннем монологе, то этот последний прием обычен для раскрытия душевной жизни Прозорова.

В романе много картин природы, и создаются они тоже по-разному в зависимости от их целевого назначения и восприятия. Разумеется, пейзаж всегда остается живописным фоном и никогда не рисуется Беловым как самоцель. Молодой мужик Павел Пачин вовсе не лишен чувства прекрасного, но луг и лес — место его работы, действие и результаты его труда он видит естественно вписанными в природный мир. Напротив, Прозоров — созерцатель, и восприятие пейзажа определяется его переживаниями, в то же время формируя настроения. А для Белова, кроме всего прочего, взаимосвязь природы и человека, как созерцателя, так и деятеля, — еще и один из источников формирования глубинной философии «Канунов». Нет, эта философия никогда прямо не заявляется, но пронизывает собою весь роман.

Писатель свободно владеет пластикой слова. Одна фраза влечет за собой другую, третью, складываясь в единственно возможную для данной ситуации картину поведения того или иного персонажа. Вот молодой парень, председатель сельсовета Николай Микулин читает далеко не во всем понятное ему письмо из УКОМа.

«Он рассердился и плюнул в сторону, но тут же одумался и огляделся. Однако в помещении никого не было. Микуленок вздохнул и закурил махорки из дареного девкой кисета. Надо было писать сведения, а что писать, он не знал. К тому же вот-вот должен был зайти Петька Гирич, по прозвищу Штырь, приехавший из Москвы в отпуск, одногодок и холостяк. Они еще утром уговорились идти на игрище ряжеными.

Микуленок ходил по полу, курил, расправлял и подтягивал длинные, до пахов, голенища валенок. Наконец его круглое девичье лицо по-мальчишески просияло, он сел и...» — и, конечно, написал, — не это важно. Здесь не выбросишь ни одной фразы, ни одного слова без ущерба для целого.

Приглядимся, как по-ребячески выразилась досада Микулина, но он тут же вспомнил о своем общественном положении — оглядывается. Никто не видит, однако растерянность не оставляет героя: нет выхода и — как за спасение — он берется за табак... Пауза затягивается, писатель одной фразой открыл нам огорчения Микулина, показав их в форме внутреннего

движения (писать надо — а что писать?). А внешне оно выразилось в его ненужных суетливых жестах — от масты он возится с валенками, а не по необходимости. И, наконец, как открытие, приходит искомое решение, которое и проявилось снова в невольном жесте — мальчишеской улыбке. Герой живет на наших глазах, казалось бы, независимо от автора.

«В человеке я стараюсь увидеть жест, характеризующий его душевное состояние,— писал А. Н. Толстой,— и жест этот подсказывает мне глагол, чтобы дать движение, вскрывающее психологию». Вот и В. Белов с полной отчетливостью видит своих героев в самых подспудных движениях, слышит их даже в невысказанных словах. И лексика авторского повествования рождена тою же средой, которую он описывает, хотя, разумеется, тщательно обработана.

Диалектизм не избегает В. Белов — без них бытописание просто-напросто невозможно,— но всякий раз они или пояснены тут же, в тексте (Носопырь «принес дров, открыл чилисник — дымовую трубу — и затопил каменку»; «лежит пластами береста — скадьё для перегонки на деготь»), или понятны из контекста (Аксинья «сбивает мутовкой сметану в рыльнице», — ясно, что о посудине речь идет, и форма ее представляется; «ребятишки, получив по гостинцу, выпростали избу»; «на святки гулял везде дородный мороз» и т. д.).

Язык романа В. Белова исключительно емок, он не просто несет какую-то информацию, но заключает в себе связь героя со средой, с обстановкой. И с этой точки зрения,— поскольку связи определяют те или иные, пусть иногда совсем незначительные, поступки героя,— велика эстетическая содержательность языка. Усиливается она еще и тем, что возникающие под пером писателя картины полнятся запахами, звуками. Их не приходится описывать специально — живут они в тех же самых словах.

Вот представьте: вечер, в избе, кроме старика, никого нет. «За печным кожухом потрескивала, высыхая, лучина, шуршали в стенах тараканы». Дед, помолившись, лезет на печь. «Там, наверху, он поставил валенки на горячее место, заткнул уши куделей, чтобы не заполз таракан, и положил голову на узел высыхающей ржи.

Где-то в бревнах летней избы сильно пальнул мороз...»

Используя иные, описательные — взглядом со стороны, привычные в литературном обиходе слова, и для сообщения всего, что здесь в двух фразах содержится, потребовалось бы куда как больше слов, без надежды найти подобную выразительную, картинную ясность и бытовую содержательность.

Значимо в романе каждое слово — иначе вряд ли бы мы представили себе тот, ныне почти уже исчезнувший, бытовой уклад, каким жила едва ли не вся огромная крестьянская Россия. Многие из нас забыли, казалось бы, недавнее и сейчас, читая Белова, можем только удивляться, как мало об этом укладе нам рассказала литература.

Волею писателя нам дозволено навестить не одну крестьянскую избу.

В баньке Носопыря или избушке бабки Тани господствует бедность — это одинокие старики, и одолеть нищету им уже не дано. Они, однако, не пари в деревне, а по-своему нужны людям, и те их привечают, впрочем, более по доброте.

Скромный достаток большинства показан в семействе Никиты Рогова. Один вечер в его доме больше скажет о семейных традициях, домашних занятиях и развлечениях крестьянина, чем иное этнографическое исследование. Почувствуешь тут атмосферу довольства и благожелательности друг к другу, приветливость к чужому, уважительное отношение к старшим и ласковую требовательность к детям. Поймешь и живое бытование сказки, в реальность которой верят едва ли не все, кроме хозяина — того положение главы заставляет хранить достоинство.

Оказавшись на ухоженном подворье Евграфа Миронова, возле двухэтажного пятистенка с зимовкой, какие не редкость в наших северных деревнях и до сих пор, за всей утварью и добротными припасами узнаешь, каково они даются и чем занимаются мужик и его семья недолгим летом и осенью. Цену достатка поймешь и по тому, как Никита Рогов начинает уже в предутренние сумерки возиться во дворе по хозяйству, когда еще и разгулявшееся игрище по избам не расплозлось.

Есть неизъяснимая прелесть в изображении семейного уклада, но писатель постоянно выводит своих героев и на деревенскую улицу, делая и читателя если не участником, то наблюдателем широкого деревенского гулянья, когда каждый перед сельским миром оказывается на виду. И не зря выбрано время святок — едва ли не самого веселого и поэтичного зимнего праздника с его традиционными забавами — гаданиями, ряжеными, игрищами, которые захватывают буквально всех и каждого.

Озоруют девки, откупив избу для гуляния, на которое собралось «человек сто молодняку». Наряду с бойкой частушкой, бытующей издавна в деревне и тут же рождающейся, захватывают молодежь и новомодные пляски, которые приходят откуда-то издалека, «как приходят в Шибаниху песни, слухи и нищие». Не знают границ святочные шалости ребятишек, почти безнаказанные в эту пору, потому что имеют силу традиции, перед

которыми даже иной мужик степенность потеряет — как Акиндин Судейкин, забравшийся на крышу и спрятавший в печную трубу поповскую спитрахиль. С дотошным знанием подробностей, весело и раскованно пишет В. Белов о святочных забавах.

При изображении таких массовых сцен, как сватовство и свадьба, трудно избежать декоративной описательности. Но и здесь герои живут своими чувствами. Сами они и все окружающее открываются под перекрестными взглядами односельчан. Слова, которые они говорят, песни, какие при этом поются, для них знакомы и привычны, но от свадьбы к свадьбе роли участников меняются. Поэтому каждый раз событие переживается по-новому, отчего и картины рисуются в своей первоначальной свежести, а герои — в душевной открытости.

Полна удали сцена традиционного рождественского забега на лошадях от деревни до деревни, когда азарт соревнования охватывает, кажется, всех. Лестно похвастаться конем, а не конем — так сбруей. Нажитое своим трудом внушает каждому особую гордость. А тут мир судит, кто каков хозяин. И по тому, как ведут себя люди, пойдем мы их характеры: азарт, словивший рассудительность Савватя Климова, едва ли не загнавшего свою кобыленку; обманутую самоуверенность Акиндина Судейкина; готовность Евграфа Миронова уступить племяннику, будто жалея лошадь («Я шажком. Мне на ней вешное пахать»)... Многие и в самом деле осторожны, выезжают только ради традиции да чтоб на миру побыть. Ведь у крестьянина к лошади, «составляющей, по словам Л. Н. Толстого, не только его богатство, но почти часть его семейства», сохранялось самое заботливое отношение. Она — первый помощник в любом труде.

Развернутых картин труда в романе немного, но они помогают почувствовать, что работа занимала в жизни крестьянина первостепенное место, была целью и смыслом жизни. Такое понимание передается от старших к младшим, из поколения в поколение. Этот взгляд усвоил от отца Данылы и Пашка Пачин. Вот почему «за свадебные дни он стосковался по крепкой, выбивающей пот работе», которая для него — радость. В труде чувствует он и содержательность времени и связь с другими людьми. Приехал Пашка за сеном на пожню ему пока незнакомую и «с ласковой нежностью» думает, что метала, наверное, Верушка, его молодая жена, и от стога «пахнуло зеленым забытым. Словно добрый поклон от невозвратного лета передал коню и человеку распечатанный стог». Чувство общности в труде еще отчетливее открывает картина коллективной рубки

леса — помочи, которая всегда в деревне, по какому бы поводу не соби-
лась, становилась праздником.

В труде открывается крестьянская душа, душа работающих, сноровис-
тых людей, приученных трудной жизнью к осторожности, осмотрительно-
сти, здоровой расчетливости. Здесь знают, на кого можно положиться, на
кого нельзя.

В деревенской среде все знают всех, известны достоинства и слабости
каждого. Здесь свято уважаются семейные традиции, семейная гордость.
Знание такого рода дается в романе не отвлеченно и умозрительно — оно
отражается в поведении, отношениях, в характерах персонажей. Их много
в романе и, несмотря на то, что каждый отмечен общим, родовым отпе-
чатком, герои В. Белова своеобразны, едва ли не все они наделены черта-
ми развитой индивидуальности.

Можно говорить о близости характеров Ивана Рогова, Евграфа Ми-
ронова, Данилы Пачина — это мужики хозяйственные, хотя по уровню
благополучия живут не одинаково. Трудовой достаток и уважение
соседей определяют их благожелательность к людям. Евграф осмотрите-
лен, однако, бывает, не свободен от запальчивости. Иван — усмешлив,
не без юморка, хотя и не обидит человека даже словом. Данила — беспок-
койнее (впрочем, ему и судьба беспокойнее выпала), и готов, если нужно,
идти искать свою правду, при этом тоже в общем-то не теряя осмотри-
тельности.

Колоритна фигура Акиндина Судейкина, мужика азартного, весело-
го, даже разбитного, который за словом в карман не лезет. Единственное
богатство его — породистый жеребец Ундер, ради покупки которого рас-
продал он всю остальную скотину. Может Акиндин показаться злоязыч-
ным, но сговорчив в отношениях с людьми и понимает их нужду. Про-
тивоположен по характеру образ кулака Северьяна Брускова по прозви-
щу Жучок, который в любом случае не прочь за чужой счет разжиться.
Клюшин Степан, «книгочей и выдумщик», Савватей Климов, Иван Не-
чаев — любой из мужиков не просто наделен «особинкой», а имеет от-
четливо выраженный характер, логикой которого и развивается образ
каждого.

Особые симпатии В. Белова вызывает образ молодого мужика Павла
Пачина, которого писатель проводит через весь роман. Он добродушен и
быстро вспыхивает от возмущения, однако отходчив, — таков он в первой
встрече с Игнатом Сопроновым, еще ему незнакомым, и с озорующими
подростками в чужой деревне. Несмотря на молодость, Павел уважаем

как самостоятельный работник, и дядя его Евграф Мионов замечает будущему свояку Ивану Рогову: «Толчею-то видал около Ольховицы? Все сам сделал, отец только показывал, как что». Толчая — это небольшая мельница... И прочтя «Кануны» до конца, мы убедимся, что вот тут уже и заложен в главном образ Павла Пачина — человека доброй души, работающего и незлобивого, рискованного в неумеренной страсти самостоятельно созидать.

Добрые качества молодого мужика сразу оценили в семье Роговых, куда пришел он в примы и, приученный отцом Данилой уважать людей, скоро привык к новой родне. Поэтичны страницы, посвященные скромной, застенчивой любви Павла к жене его Вере. Духовно-родственное взаимопонимание нашел он и с дедом Никитой, который поддержал его замысел строить большую мельницу и не оставил без помощи в критические моменты строительства. Самые яркие картины труда — на рубке леса и молотье, на вывозке сена и на стройке — одухотворены деятельным азартом Павла.

Делать то, что на земле ему предуготовано, о другом Павел не мыслит. Он весь нацелен на добро к людям, — это почувствуешь, например, в тот момент, когда Павел случайно нашел обрез, кем-то спрятанный под мостом, и сбросил в омут. Но тревога уже закрадывается: что-то пророчит нерадостная находка?.. А спустя несколько месяцев Павел стоял перед стволом, что навел пьяный и бешеный от злобы Игнат Сопронов. Ружье дало осечку, но Павел, который раньше не раз звал Игнаху к примирению, не воспользовался теперь преимуществом своей силы. Его достоинство в безграничном трудолюбии и неизменной доброте...

В. Белова интересуют не только индивидуальности, но и родовые черты крестьянина. Разумеется, прежде всего это трудолюбие, но не только. Выходит ли замуж Рогова Вера за хорошего парня, которого любит она, и радуется — это чувство знакомо любой молодой крестьянке, обретающей семейное счастье: не каждой только такое счастье достается. Вот в святочную ночь приходит Вера в баньку гадать и томится ожиданием и страшится. В таинственности морозного вечера оживают в ее воображении образы сказочных чудищ, — и тут мы заметим общее для психического склада женщин той поры, в чем сказывается и характер мышления всей среды. Эти особенности отчетливее видятся в женских образах, наверное, потому, что женщина тогда еще не обрела той самостоятельности, что появилась позже, и развитая индивидуальность в ней определилась не вдруг.

Родовые черты старинного крестьянского мироощущения интересно схвачены в образе старого Носопыря, для которого, например, реально существует баннушко, бес — хозяин бани, и с ним он постоянно «перебранивается». Но рядом с этой наивностью, вместе с ней есть у него и потребность понять мир, «по обе стороны, по ту и по эту», в сокровенных, глубочайших тайнах.

Своеобразно подмеченная В. Беловым черточка крестьянского характера, родившаяся, видимо, еще в пору патриархальной близости людей в деревне: необходимость чувствовать взаимопонимание с другими людьми, знать, что к тебе по-хорошему относятся, — условие собственного душевного равновесия. Так Данила Пачин не выдерживает безразличного молчания московского извозчика, беспокоится неведомо почему, тяготится. Прост поступок, чтоб сбросить гнетущую отчужденность, — Данила угощает пирогом и своего спутника, и извозчика: «Все трое, жуя пшеничник, ехали по Москве, и каждому было отраднo оттого, что он не желает другому ничего плохого».

Не потому ли Пашка Пачин прогоняет с воза незнакомого ему Игнаху Сопронова, что не почувствовал в нем такой привычной ему приветливости, благожелательности?.. Той благожелательности, которая характеризует его отношения с Иваном Нечаевым, вместе с которым Пашка служил в армии. Вот Белов показывает, как едут они вдвоем на дровнях: «они пели, и каждый чувствовал, как рождается у них друг к другу что-то хорошее, надежное».

Издревле заложены такие свойства в характере крестьянина. Одни из них стираются, исчезают, другие своеобразно переплетаются с новыми, возникающими в изменившихся условиях. Нет в крестьянине былой покорности, он хочет чувствовать и чувствует себя ни от кого не зависимым членом общества. Павлу Пачину, бывшему красноармейцу, незачем скрывать свои чувства перед заносчивым спутником. Не спускает Игнату Сопронову начальственного тона и Иван Нечаев, видя в нем ровесника, а не только представителя УКОМа, — ведь и сам Иван пришел из армии с командирскими ромбиками в петлицах. Не считает нужным прятать свое мнение перед представителем власти Африкан Дрынов, мужик из дальней деревни, чья буденовка напоминает о боевом прошлом: власть, которую он защищал, бывший фронтовик сознает своей властью.

Может быть, еще ярче и своеобразнее показывает писатель, как исконная гордость мужика своим трудолюбием переплетается с новым для

него чувством гражданственности, раскрывая образ Данилы Пачина, у которого отняли мельницу, лишив его при этом права голоса. Данила едет в Москву с жалобой на волисполком. Он готов платить повышенный налог, хотя чужим трудом никогда не пользовался, но «быть лишенным прав никак не мог». Данила так возмущен, что готов с первым встречным делиться своей обидой, и удивляется словам московского извозчика: «По мне так лучше бы из всех списков меня вычистили да больше не трогали». Обыватель, как видим, остался обывателем, а мужик Данила привык жить на миру и свою репутацию беречь. Своей заслугой он числит не только то, что воевал на гражданской за Советскую власть, которой он «ничего худого не сделал», но и другое, извечное:

«Меня все люди знают. Данило век свой встает и ложится с солнышком, худым словом никого не обидел, как это так? За что Данила лишать голосу? Нет, я дойду до Калинина! Чтоб голос воротили и во все списки обратно внесли». И дошел, и добился, чтоб голос воротили...

Новое входит в жизнь не без курьезов, но сознательного сопротивления не встречает: за десять лет мужики привыкли доверять Советской власти. Вызывает невольную улыбку, что жалобу во ВЦИК Данила пишет на старой гербовой бумаге, еще с двуглавым орлом. Забавно, что Селька Сопронов, брат Игната, начал обучать девок политграмоте с «Капитала». Они, конечно, осмеяли незадачливого агитатора в хлесткой частушке. А пожилой мужик Степан Ключин, видя это, хотя и не уважает безалаберного Селифона, одергивает девок, замечая, что в книге-то, может, и дело написано.

В изменившихся условиях, естественно, и вера в бога пошатнулась, и уважение к его служителям. Акиндин Судейкин с отцом Николаем не только как с ровней разговаривает, но и грубоватой поговорки не постесняется: в карты «с попом играть, что босиком плясать». Да и сам поп, здоровенный мужик, привык к новому положению. Вплоть до того, что в компании за чаркой со всеми вместе станет распевать: «Что с попом, что с кулаком вся беседа,— в брюхо толстое штыком мироеда». Нет, не зря считают прогрессистом отца Николая по прозвищу «поп Рыжко»!

Смешение традиционных привычек и обязанностей, сложившихся в новых условиях, определяет своеобразие образов председателя сельсовета Николая Микулина, молодого парня, и его дружка Петьки Гирина, курьера канцелярии ВЦИКа, что приехал в Шибаниху в отпуск. То ли на гулянье бежать, то ли отчет в УКОМ писать,— Микуленок хочет успеть и

то, и другое. Вырядился покойником Петька, у которого под «саваном» — синие комсоставские галифе, а в кармане наган и четвертинка. Смешение не только внешнее — оно наложило отпечаток и на сознание героев. Так за святочными гуляньями некогда Микуленку разобраться, что же в ближайшее время ждет деревню, а может, и не под силу ему понять, но предчувствует он — что-то будет.

Этим предчувствием живет едва ли не каждый в деревне, хотя этот момент В. Белов не выделяет особо. Ощущение неизбежности перемен живет подспудно в сознании мужиков, определяя во многом их поступки. Между привычными святочными разговорами вдруг вспыхнут толки про ТОЗ, про коммуну, про помощь, которую оказывает государство беднякам. Переговоры о сватовстве тоже определены мыслью о том, как лучше приспособиться к нынешним условиям. Сошлись мужики побеседовать у Степана Ключина, а жена его на их секреты: «Тоже коммуну устраивать надумали?» А мужики хоть и не надумали — договариваются только о строительстве мельницы на паях, но в их опасениях, вызванных предстоящими расходами и трудностями, звучит и еще одно: «Время-то, вишь, ненадежное».

Ненадежное время потому, что мужики устали от неопределенности. Их мнение высказывает Африкан Дрынов, обращаясь на собрании к председателю Ольховского волисполкома Лузину: «У нас, Степан Иванович, пошто это все временно-то? Инструкция временная, начальство временное. Сто семая статья за хлебозаготовки тоже, говорят, временно». Впрочем, пока трудовая деревня живет спокойно: все — свое и власть — своя, трагедий и потрясений не ожидается.

Конечно, мужики хорошо поняли, что значит разделение на три списка, — их опасения выражаются в практических действиях. Судейкин кастрировал своего красавца-жеребца, чтобы не оказаться владельцем собственности, приносящей дополнительный доход. Евграф Миронов выходит из пая в строительстве мельницы. Но пока ничто не предвещает возмущения: налоги выплачиваются исправно, крепнет кооператив по производству масла...

Деревня жила так, как это было предусмотрено ленинской новой экономической политикой. Мужики доверяли Советской власти и шли навстречу ее начинаниям, исправно выполняя свои обязанности перед государством. В случае необходимости они апеллировали к ней, надеясь на справедливость и находя ее, как, например, Данила Пачин. И в перспективе линия партии на коллективизацию, исторически необходимая,

не отталкивала мужиков сама по себе — здесь важно иметь в виду нечто иное.

Историческая необходимость обнаруживает себя в действиях отдельных людей, представляющих различные уровни общественной структуры. И Василий Белов не рассуждает об истории, о судьбах крестьянина — он показывает его жизнь, а также действия и намерения Советской власти и партии. Линия партии, в перспективе на года четкая и определенная, реализуется во множестве частных проявлений, среди которых наряду с позитивными и необходимыми есть и отрицательные. Тут и перепады борьбы с троцкизмом, породившие чувство неуверенности у некоторых партийных работников (секретарь губкома Шумилов). Тут и вредные вылазки примазавшихся к партии людей вроде Сопронова, и формализм уездного агитпропа Меерсона, далекого от жизни народа.

За этими «мелочами» (а они логически связаны между собой, вытекают одна из другой) для мужика в деревне линия партии не была видна с такой ясностью, как для нас теперь. И каждый мужик работает на свой страх и риск, видя рядом только злобного Игнаху Сопронова и неуверенного в себе, вялого Микуленка. Односельчане ведь не знают, что Игнаха давно уж ходит без партбилета и линию партии вовсе не олицетворяет собою.

Ход истории не только направляется «сверху», но и стихийно проявляется снизу. Показав эту противоречивость в действиях своих героев, В. Белов достиг выразительной гибкости художественных решений, удивительной полноты и точности в изображении реального движения жизни.

Итак, «возмутителем спокойствия» выступает в «Канунах» Игнат Сопронов — поначалу представитель УКОМа, молодой мужик из Шабанихи, отбившийся, было, от деревенской жизни, которая ему явно не по нутру. К мужикам он относится неприязненно, ко всему деревенскому — с недоверием: «Что ни изба, то и зажиточный... Наплодилось за эти годы кулаков... Ничего, еще прижмут хвосты, запоют не то. С нэпом-то, по всему видать, товарищ Сталин разделается...».

Прошлые обиды сделали Игната мстительным. Он, почуявший силу власти, позволяет себе и покуражиться. Разговаривая с Иваном Нечаевым, Сопронов «важно откинулся назад, постукивая по столу пальцами». Во время венчания Пашки с Верой заходит он в алтарь и, едва кончился обряд, начинает собрание: возмущения Павла и односельчан

он не понимает. Отчужден Игнат от народа, и люди это видят. Казалось бы, незначительная деталь: не может он на собрании, при составлении списков бедноты, вспомнить отчество старухи Татьяны Соколовой. «Матвеевна... Крестила тебя и меня»,— сообщает с издевочкой мужик с места.

Движимый злобой, ни с кем не советуясь и не считаясь с мнением мужиков, составляет Игнат списки по трем группам. Данила Пачин, конечно, попадает в кулаки — к нему у Игната особая неприязнь, а мужики Данилу отстаивают, называя тех, кто действительно батраков держит,— вот первая собственно конфликтная ситуация в романе, предсказывающая накал страстей в недалеком будущем.

Правда, поведение Сопронова встречает сопротивление не только среди крестьян. Степан Лузин собирает коммунистов, и решением большинства Сопронова отстраняют от руководства ячейкой за «троцкистские взгляды и левацкие методы». К чему это поведет? Кто знает... Только Данила Пачин, узнав о случившемся, сожалеет: «Не ладно. Не ладно, хоть и прохвост... Он теперь по верхам пойдет, только хуже наделали». В тот же вечер Игнат пишет жалобу в УКОМ на неправильное поведение ольховских коммунистов.

Оставшись не у дел, Игнаха Сопронов едет на заработки, копит злобу и деньги, живя еще неясными надеждами, которые рухнули с лишением партбилета. Но не успокоился Игнат, в анонимных письмах он находит способ прижать ненавистных односельчан. Хорошо еще, чрезвычайная комиссия из уезда не обидела стариков, выпоровших Сельку за хулиганство, но «боярского потомка» Прозорова (не приняв во внимание его безобидности и некоторых революционных заслуг) и отца Николая выслали. Однако этого мало Сопронову, а «добрый» человек всегда найдется — Микулин выручает Игната. Не столько жалея, сколько желая сам избавиться от лишней работы, он выдвигает его председателем установочной комиссии.

Игнат Сопронов дождался своего часа: он единолично, в силу своих предубеждений, раскладывает на мужиков дополнительный налог. Тут и Данила Пачин снова прижат, и с Пашкой счета сводятся. Получил свое и Евграф Миронов, а косвенно, заодно с ним и «рука дающая» — Микулин... Все это изображено В. Беловым в живописных сценах, с точностью психологических мотивировок. Накануне больших перемен общественные настроения в Шибанихе и Ольховке без видимой необходимости взвинче-

ны. А ведь могло обернуться — будь на то элементарная справедливость — гораздо проще...

События романа Василия Белова — это действительно кануны больших назревающих перемен. Этим определяется для писателя отбор материала и построение произведения.

Строго следуя естественному ходу событий, пластично переходя от одного происшествия к другому, Белов формирует строгий в своей необходимости сюжет и на его основе — широкую, содержательную картину народной жизни. Она убедительна в любых своих мелочах, ни в чем не обнаружится авторский произвол — сцепление картин определяется логикой самой жизни.

Любая из сцен романа целиком и полностью является необходимым следствием каких-то событий, определенных логикой тех или иных характеров. Так, встречи Петьки Гирина с отцом Николаем и Игнатом Сопроновым не произошло бы в данный момент, не убеги Микуленок за чекушкой к Татьяне Соколовой. Так же и забавные злоключения арестованных стариков неумолимо сцеплены с ходом разгулявшейся Казанской и поведением попа Рыжко и незадачливого сторожа Митьки Усова. Выбором ситуаций определяется во многом не только стилевое разнообразие романа, но и гармоничность его архитектоники. (Может быть, только губернские и московские сцены, исключая те, что непосредственно касаются Данилы Пачина, несколько замкнуты в себе).

Изображение жизни в бытовом, социальном и эстетическом планах, выявление общественной психологии крестьянской массы накануне коллективизации — эти задачи решены писателем с большой глубиной художественного постижения действительности. Василий Белов реалистически правдиво показал особенности того уклада жизни, из которого, по словам Сергея Залыгина, «мы вышли без малого все и каждый».

Символом неистощимого трудолюбия русского крестьянина становится мельница, которая возводится непомерными усилиями и трудовой сметкой молодого мужика Павла Пачина. Для него «там, на угоре, клином сошелся белый свет. Сошлась и сгрудилась вся земля. И нет больше ничего дороже, все здесь словно душа всей земли...». И сам Павел, как тот столп, что «держит на себе всю несметную и неошутимую теперь тяжесть». Не случайно так подробно, с поэтическим воодушевлением рисует В. Белов образы и могучей сосны, и самой мельницы.

Такую жадность до работы (о богатстве не мечтает Павел Пачин) не понять никогда Игнату Сопронову. Вспомним, как он, вернувшись с зара-

ботков, на предложение жены купить у Судейкина жеребца отвечает: «Придет время, отдаст за так». А сам думает, что «не для того он маялся в детстве. Не для того вступал в партию, узнал холод и голод, чтобы снова, как червяк, возиться в земле».

Многозначительна завершающая роман жуткая сцена смертной драки, в которую Игнат ввязывает Павла,— это выражение борьбы двух непримиримых жизненных начал. Сцена эта несводима только к себе самой, вспомним тайное письмо некоего Эйдлика, попавшее секретарю губкома Шумиллову, еще некоторые незначительные, казалось бы, подробности. Такая непримиримость, которую показал Белов на разных уровнях общественной жизни, и осложнила исторически необходимое и неизбежное дело коллективизации деревни. Правда, конфликту, заданному в «Канунах», еще развиваться и развиваться, но не оставляет сомнений вера писателя в торжество жизни.

Думается, В. Белов прав как в своем уважении к Павлу Пачину, так и в глубокой неприязни к Игнату Сопронову.— тут в объективизм играть нет необходимости. Нравственные и трудовые традиции, которые наследует Павел, жизненно необходимы нашему обществу в движении вперед. И в нормах поведения Игната Сопронова содержится определенный жизненный урок едва ли не для каждого: Одних этот образ предостерегает против подобных людей (а такие себе в любое время удобную лазейку находят) и поможет найти меру отношений с ними. Других удерживает от упоения мелочными обидами на людей и жизнь, которое может далеко увести от подлинной человечности в отношениях с людьми, обществом.

Роман Василия Белова современен и поучителен в лучшем смысле этого слова и не только в своей утверждающей основе, но и в пафосе отрицания. Историческая хроника конца двадцатых годов, созданная в семидесятые, когда проблемы жизненных ценностей и личной ответственности становятся ведущими в жизни, социологии, искусстве, оказывается произведением чутко созвучным своему времени. Обращение писателя к истории в «Канунах» так же не случайно, как и к жизни нынешних горожан («Воспитание по доктору Споку»). История в произведениях В. Белова по целям исследования современна, а современность исторична. Одно поверяется другим — так человечество в художественной и практической деятельности обретает опыт для будущего.

1972, 1976

ГЛУМ,
или кое-что об устоях сталинизма,
о русском национальном характере
и критиках «левых» и правых

Р о м а н
«Год великого перелома»

Скорбными, полными сдержанного гнева словами начинается это повествование о гибели крестьянства.

«После величайшей смуты, унесшей в своем знобящем вихре миллионы жизней, не прошло и десяти лет, а Россия и Украина уже стояли вблизи очередной, не менее страшной трагедии. Казалось, все силы зла снова ополчились на эту землю. Вступая на пустующий императорский трон, знал ли угрюмый Генсек, что через несколько лет, в день своего пятидесятилетнего юбилея, он швырнет им под ноги сто миллионов крестьянских судеб?..»

Но не надолго хватает выдержки автору: он не берется идти вслед летописцам древности — бесстрастным быть не может, не в силах. Не скрывая горечи и ненависти, он не говорит — кричит о бездне поругания и глумления, в какую был брошен народ. Забыв о искусстве, он изъясняется прямо, резко и поначалу даже не совсем внятно. Потом он возьмет себя в руки, расскажет о былом подробно и основательно, развернет полотна разнообразных картин, оживит знаменитые и безвестные тени прошлого... Но успокоиться так и не сможет.

1

Хронику Василия Белова «Год великого перелома» можно рассматривать как вполне самостоятельное произведение, — в нем есть своя цельность, — однако при этом неизбежна некая деформация восприятия. Уже глава первая — Сталин в муравейнике своего окружения — оказывается одинокой, воссоздающей шашбланы адовых сил, свалившихся на страну ниоткуда. А потом автор о них будто забывает, всецело переключив внимание «на периферию», куда разбегутся круги, будто бы совсем уже независимые от центра, от истока возмущения спокойствия...

Ну и что, в самом деле, за композиция! Между тем, сам Белов видит целое и продолжает свое повествование, вовсе его не завер-

ши в и этой публикацией. И редакция журнала его поняла, сославшись на «Кануны» и, в частности, на его третью часть, напечатанную в «Новом мире» полугодом ранее (1988, № 8). Разумеется, не каждый из читателей немедленно бросится перечитывать «Хронику конца двадцатых годов» в последнем полном издании (М., Мол. гвардия, 1988; Роман-газета, 1989, № 15—16), хотя бы в поиске глав, некогда по произволу исключенных из хроники, но нам-то иметь их в виду надо бы, чтобы представлять целое не как умозрительную надуманную схему, но как содержание конкретных взаимосвязей общественных сил — разнонаправленных, хотя и не равноправных.

И тогда мы увидим еще в первой части «Канунов» Сталина и Бухарина, Калинина и Сталина в обществе Данилы Пачина, Бухарина и Томского вместе с Рыковым...

О, нет, Сталин в 1928 году еще вовсе не всемогущ, поскольку панибратски с запальчивостью спорит с ним Бухарчик, поскольку Сталин просит Калинина называть его не по отчеству, а «товарищ» — надо же, просит! Он вовсе не злодей и не монстр, Сталин, а обыкновенный человек со своими слабостями, целеустремленный, но внутренне в себе не уверенный, отчего раздражителен и подозрителен к окружающим. Заметьте, он побудил Калинина принять Данилу Пачина, и у мужика должно о нем остаться мнение как о заступнике. А между тем по уходу мужика — сам припечатал его ярлыком: «Типичный кулак...» — это и всесоюзному старосте наука. И вся сцена выдержана не без юмора с удивительным ощущением взаимодействия характеров.

В свою очередь, Томский и Рыков открываются в параличе своего политического сознания, Бухарин — в самоослеплении. В чем-то Белов им сочувствует, но и открывает растерянность и неспособность к практическому противодействию созревающему на их глазах самодержавию. Дано увидеть нам и митинг на московском заводе, когда с треском провалился представитель ЦК товарищ Шуб.— рабочие освистали наспех перекрасившегося троцкиста... Нет, вовсе не тишь да гладь была «в верхах» в году 1928... Что же, паны дерутся — у хлопков чубы трещат? — так и было.

Сначала середняков обложили непомерным налогом, но это лишь начало. Партгистка разожгла страсти и усердие активистов,— раздуваются списки кулаков. Даниле Панину в его немислимых финансовых затруднениях поместилось пай из кооперативной маслоартели получить. Однако бухгалтер Шустов мужика не утешил: не только оборотные денежные

средства, но и основные фонды кооперации уже конфискованы. Машинные товарищества и ТОЗы тоже придушены. А ведь Шустову, грамотному и деловому мужику, представлялось, что все шло верно, по Ленину.

Житейский повод дал Белову возможность на фактах и цифрах показать и роль кооперации, и ее судьбу. Беглый, но точный «очерк» кооперативного движения, не замедляя динамики событий, открывает нам загубленную альтернативу коллективизации. (Кстати, этот важный момент достаточно серьезно раскрыл и Б. Можаяев в романе «Мужики и бабы»). Нет теперь иного пути ни Пачину Даниле, ни Гавриле Насонову — оба подают заявления в колхоз. А между тем Павел Пачин завершает стройку мельницы, замолола она, утверждая трудовое достоинство молодого мужика, его инициативность и... безрассудство, как понимает его отец Иван Никитич да и не только он.

«Пришло, значит, такое време мужиков к ногтю», — толкует Евграф Мионов. «Надо жить... Каждая власть от бога», — со смирением отвечает старый Никита Рогов. Но извечная эта формула уже не всех устраивает: «Выходит, дьявольская-то власть тоже от бога?» — не соглашается Ключин и слышит в ответ подтверждение. А как Игнаха Сопронов? — доискивается смысла происходящего Жучок. «А наш-то Игнаха от нас самих. Сами взрастили», — тихо отвечает Никита Иванович.

Для старого Никиты мысли эти не случайны. Его убеждения искренне верующего христианина (ради чего бы он постоянно хлопотал о церкви, вызывая даже неудовольствие сына Ивана, с которым старик привык считаться, сдавши ему дела, как с хозяином дома, кормильцем) последовательны и не догматичны в своей нравственной сути. Вот ведь заметил Игорь Виноградов, что вину за происходящее Никита Иванович возлагает и на сына Ивана, и на свата Данилу — на всех, кто «с ружьем в двадцатом году разался из стороны в сторону» и, дурманом опоенный, «гоголем» ходил «в красной шапке» по деревне, хвастаясь, как «офицеров гусиным шагом» гонял, и кто по церквам языки у колоколов выдирал...» (Московские новости, 1989, 30 апреля, стр. 11). Правда, представления Никиты Ивановича пошире, чем И. Виноградов тут показал. Вот еще один момент той гневной речи старика: «Патриарха Тихона никто не послушал, отдали миленького на растерзанье! Аки псам рыкающим...» Заметьте, здесь не только бытовой уровень мышления («красная шапка» да «языки у колоколов»), — такой поворот суждений открывает серьезную, продуманную глубину и цельность религиозно-политических представлений Никиты Ивановича.

Останься это мнение старика только его личным, тогда оно было бы интересно само по себе, но мотив трагической вины действительно остался бы на периферии идейного звучания хроники. Нет, по-своему ответственность сознает и Данила Пачин. Припомним, как мучается он вопросом, за что такие напасти обрушились на его голову, за что? «Не чувствовал он за собой ни самой малой вины ни перед властью, ни перед богом, как ни старался припомнить всю свою подноготную. Ан нет, были-таки и вины, и грех. Правда, по молодости, по глупости. Не утерпел разок, прижал одну девку в одном месте, в одну темную ночь... Ревела, бедная, нет, не пожалел, не хватило ума-то. Был и еще один случай в гражданскую. Можно бы спасти от расстрела одного поручика, совсем еще ребенок был. Не пожалел Данило Пачин офицера, не спас. Расстреляли мальчишку. Да ведь и другие не пожалели? Нет, не пожалели и другие... Только от этого, пожалуй, не легче». Понятие о грехах своих, как видим, осознано Данилой достаточно широко. Скажите, пожалуйста, при чем тут «одна девка в одном месте»? Оказывается, видит мужик связь, и тем более уместно здесь воспоминание о несчастном поручике. Да и старики, беседующие с Никитой Ивановичем по поводу происхождения властей — от бога ли дьявола, ему не антиподы. В их разговоре, не лишенном запальчивости, вполне определилось единство, я бы сказал, в рамках плюрализма мнений. А еще говорят, что русский мужик никогда демократии не знал...

В одном этом коротком многоголосом диалоге стариков смысла больше, чем в рассуждениях нынешних витий о крестьянстве как (ни много, ни мало!) социальной базе сталинизма. Многие старики поняли, но с чуждой машиной насилия им, безоружным, ничего уже не сделать. И, зная указания и поддержку сверху, Игнаха Сопронов проведет «через линию» свои интересы, утешит свои вождения. Вот уже и первые сельхозартели объявлены лжеколхозами, и мужиков среднего достатка, сознающих неизбежность коллективизации, не пускают в колхозы...

2

Прямо ли косвенно, сплошная коллективизация — этот «великий перелом» — задела многих в нашем обществе, тяжелым катком прошла по крестьянству, надолго определив собою политический и экономический уровень жизни страны. Молчаливо это признавалось многими, но в ходу были идеологические мифы, составленные по одной-единственной историко-партийной схеме. И в литературе — тоже.

Начало тридцатых годов выплеснуло десятки повестей и романов о коллективизации,— эталоном стал один из них, «Поднятая целина» М. Шолохова. Был всплеск интереса к теме во второй половине пятидесятых, однако новизны не принес. Свежий взгляд определился в повести С. Залыгина «На Иртыше» (1964),— проблемы политической истории просвечены в нем сквозь призму нравственности.

И вот первая часть «Канунов» В. Белова (Север, 1972) и отдельное издание в двух частях — 1976 года: третья часть появилась только в 1987 году... Трудно шел роман к читателю, прямо скажем, оставляя клокья шерсти с мясом в издательских коридорах. Так же трудно шли следом «Мужики и бабы» (1976) Б. Можаяева, «Касьян остудный» (1978) И. Акулова, «Кукоара» (1978) И. Чобану, «Декабрь. Метели» (1978) И. Мележа. Заметим, все писатели тогда, будто сговорившись, обращались к 1928 году или, во всяком случае, к начальному этапу «перестройки» деревни.

Историки в это время молчали или повторяли зады, а писатели, уже беременные новым словом, молчать не могли, а сказать было ну никак нельзя. Что ж, нельзя о «переломе», так хоть о деревне той поры, о крестьянине-труженике, отбросив лживую мысль о его собственнической натуре. И тут они провели свой взгляд на годы НЭПа в деревне: именно тогда выразился во всем лучшем «тысячелетний уклад русской жизни» (С. Залыгин). Крестьянин в считанные четыре-пять лет увеличил в полтора-два раза производство продукции. Его трудолюбие, практическая сметка, кооперативная деятельность,— все это привлекает внимание писателей, которых очень занимает и быт доколхозной деревни в его светлых по преимуществу (в отличие от прозы двадцатых-тридцатых годов) явлениях.

Новые стороны романа о старой деревне впервые заявлены именно у Белова и в формах наиболее зрелых, в безупречной художественной цельности. С горечью думается, что время гласности, дозволив, например, Б. Можаяеву (книга вторая) и Н. Скромному («Перелом») сказать многое, ранее запретное, тем самым «перехватило» дыхание художественности. Впрочем, В. Белов и в хронике «Год великого перелома» сумел остаться художником. Не берясь конкурировать с историками в охвате материала, он во многом глядел и дальше и глубже их.

Впрочем, такое мнение, для историков нелестное (а кто виноват?), наверное, многим придется не по вкусу. Но не вызывает удивления, что в наши дни эта страница советской истории обсуждается с особой горячностью, порождая острую борьбу полярных мнений.

Была ли альтернатива коллективизации? — совсем недавно задавался вопросом Игорь Клямкин, чтобы ответить односторонне отрицательным ответом. Вот де, большинство русских крестьян примирилось с коллективизацией, поскольку «не было готово к конкурентной борьбе на рынке», — они были патриархальными, «добуржуазными» (Новый мир, 1987, № 11, с. 181). Но, посмеем возразить, высвобождая избыточные рабочие руки для промышленности и давая для нее средства — в форме прогрессивного налога, кооперация открывала бы и дорогу к рынку. (Такого опыта было не занимать.) Только надо учесть, что 1930 год в СССР это все-таки не 1794 год во Франции, — с вилами на пулеметы не попрешь...

Отождествляя крестьянина-труженика с сельским люмпеном типа Игнахи Сопронова, которого, Клямкин сам признает, «ничто не привязывает ни к земле, ни к односельчанам, которые его и за мужика не считают» (там же, с. 184), автор сам свою опору разрушает. Он ищет новый выход. По Клямкину, Сопронов нужен крестьянину как проводник «верхней мысли», государевой, без которой он жить не может, не привыкши думать сам, как Барухостов Кузьма Иванович («Бухтины вологодские» В. Белова). «Пока же крестьянин остается крестьянином мысль о «верхней мысли» обесмыслиться не может», — так волею Клямкина русский мужик стал опорой, почвой сталинизма.

Простите, а наши многомудрые философы и экономисты, генетики и историки чем от Кузьмы Ивановича отличались до сего дня? Разве не ждали они указаний «верхней мысли», разве не пели ей дифирамбов да еще и молчаливому мужику, вопреки его здравому смыслу, навязывали проекты один другого вздорнее. А тот свой здравый смысл умел выразить хотя бы в горьком юморе. Так что очень шатки рассуждения И. Клямкина о природе русского крестьянина и социальной почве сталинизма.

Вот и Лев Аннинский туда же: «... я Белова как художника приемлю, а как историка, и, тем более, «футуролога» — нет. У него во всем Троцкий виноват...» (Книжное обозрение, 24 марта 1989, с. 6). Заодно и А. Ципко перепало — не защищай «бородатого мужика». Да дело-то, видно, и в том, что и Ципко туда же, уверяет: «В конце концов с помощью Сталина победил Троцкий» (Наука и жизнь, 1989, № 1, с. 51). Не секрет, что Троцкий и К^о высказывались за выкачивание из деревни средств для индустриализации. «Хорошо известно также, что основную часть этой троцкистской политики вскоре взял на вооружение сам Сталин и осуществил ее с такой невероятной жестокостью, на которую, по-видимому, был бы неспособен и сам Троцкий» (Иностранная литература, 1989, № 3, с. 171), — пишет Рой Медведев.

Ну, относительно способностей этого «демона революции» гадать не станем, только Белов, в своей, столь для многих досадной, догадке теперь не одинок, нравится это кому-то или нет. Однако тугой завязался узелок в начале 30-х и долго еще над ним гадать теоретикам. Тем дороже картины живые дней былых, воссозданные в художественном слове.

Кануны есть кануны,— всего размаха развернувшейся в стране ломки мужики по деревням не представляют, еще надеясь за счет жил своих и живота выстоять перед напором властей. Надеются, что всему должна быть мера.

Но — не было меры. И хроника девяти месяцев «Год великого перелома» открывает нам разгул невиданного в истории насилия над миллионами. Насилия, видимых причин для которого представить нельзя, невозможно. И последовательный реалист Василий Белов создает образ абсурда, какой не приснится и в кошмарном сне. Создает средствами реалистическими, рисуя картины былого в их документальной точности. С юношеских лет писатель наслушался рассказов очевидцев и пострадавших, перебрал тысячи архивных документов¹ и периодических изданий. Порою документ ложится на страницы в первоизданном виде,— когда он говорит сам за себя и определяет развитие событий.

Не менее важно и то, что каждый факт, касающийся фигур, так сказать, исторических, документально обоснован. Впрочем, первостепенного места они в хронике не занимают: за них говорит с о д е я н н о е. Писателя более занимают люди обыкновенные, кому пришлось в той или иной роли пережить эти поистине апокалиптические времена.

3

«Зима в тот год стояла необычайно мягкая, почти без лютых морозных окриков. Спокойно слетела она на землю, словно последняя посылная милость судьбы, потраченная временем из небесных, казалось, неисся-

¹ Для тех, кто полагает, что только время гласности открыло правду о коллективизации, замечу: не заблуждайтесь, оправдывая лень и равнодушие. Ведь еще в первой половине 60-х годов повсеместно изданы сборники документов, издан такой сборник, как обычно, под грифом Главного архивного управления при Совмине СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Института истории АН СССР, и в Вологде: Коллективизация сельского хозяйства в Северном крае (1927—1937). Сев.-Зап. кн. изд-во, 1964, 696 стр.

каемых источников справедливости и добра...» С каким-то сладостным упоением тихой печали развевает Василий Белов сребротканое полотно пейзажа, и кажется, нет ему сил остановиться, будто не может налюбоваться он на эту всесветную обитель неизбывных трудов. Трудов, которые почему-то вдруг утратили свой смысл.

А они, наивные, не поняли грозных предзнаменований, не поверили им, не вняли...

Там все здоровые люди проводят зиму на принудительных лесозаготовках, и, хотя повинность нова, традиции сохраняются привычные. И пусть люди работают на голодных харчах, но баешник — в такой роли обретается Акиндин Судейкин — людям нужен. И по-прежнему не оставляет намерения завершить строительство мельницы Павел Пачин,— по пути с лесочастка везет домой мельничный жернов.

И говорит ему старый мельник, на которого дополнительный налог в двести пудов зерна (более трех тонн!) наложен:

«— Не вовремя ты мельницу выстроил! Отымут... Дак на што тебе и новые жернова?»

— Руки-то не отымут...— смутился Павел.— И мука любой власти нужна.

— Оно верно. Да мне не жерновов жаль, а тебя жаль. Вези!»

Вот и вся тут «собственническая» психология... Да что Павел Пачин — он мужик молодой, увлекающийся. И старый Никита Иванович, не в силах себя обороть, сам для мельницы, по словам внучки Веры, «птицу деревянную сделал, чтобы витёр показывала». А ведь он-то уж точно знает — не для себя делает,— отнимут мельницу.

А в Шибанихе и Ольховке всю хозяйничает уполномоченный укома по раскулачиванию и коллективизации Игнат Сопронов. Теперь-то пришла его пора! Рассчитается он с Данилой Пачиным и его сыном, со всеми, кто голову высоко держал, уважая свое достоинство труженика. Ныне сказали бы, что такие, как Игнат, подхватили и воплотили в практику «популистские лозунги» (типа «грабь награбленное»).

Как свидетельствует история, на грязных инстинктах и неутоленных желаниях всегда не трудно на злое дело поднять. Только грабить ближних односельчане Игната не умеют, и «мероприятия» проводятся бестолково — активисты стыдятся своих вынужденных поступков и действуют из одного лишь страха перед начальством.

Между тем, с юга идут и идут эшелоны со «спецпереселенцами»,— страшны эти картины у В. Белова в их обыденной сдержанности.

Из множества эпизодов, из частных поступков складывается в хронике Белова убедительный и впечатляющий характер крестьянской массы, будь то русские из вологодских деревень или украинцы из-под Харькова. Стремление к труду, желание мира, ради чего они готовы стерпеть даже несправедливость,— вот что в них главное. Поверить в злой умысел власти — ведь они же ее отстаивали на гражданской войне,— мужики не могут. С такими справиться легко.

Нет, ждали они: что-то будет! — но при всей своей осмотрительности представить разгул глумления над собой мужики ну никак не сумели — это сверх нормальных человеческих способностей... Конечно, видели мужики, что власти хотят добиться от них чего-то другого — мало им налогов да повинностей. Но разве нельзя полюбовно договориться? И очень примечательным показался мне один совсем пустячный — в сравнении со всеобщей бедой и порухой — эпизод.

Северьян Жучок поворовывал сено у Акиндина Судейкина: видел это Павел Рогов — сдержанно высказал свое неодобрение старшему односельчанину, но вряд ли кому-либо выдал старика. А Судейкин и сам свои меры принял. «Однажды в честь воскресенья работу закончили раньше. Пошли давать лошадям, и Акиндин Судейкин доверительно взял Жучка за локоть:

— Давай уж, Северьян Кузьмич, по очереди: ты у меня по ночам таскаешь, а я у тебя буду днем. А иначе мне своего Ундера не прокормить, он вон как жорет.

Судейкин огреб порядочное беремя Жучкова сена и поволок Ундеру. За ним нога в ногу ступал Жучок, беспокойно покашливал.

— Ты, Акиндин, это... не сказывай людям-то.

— Да люди — что люди? — не возражал Судейкин.— Им не надо и сказывать, оне все видят».

Вот как надо решать проблемы! Действенно, спокойно, даже тактично и — с юмором. Только ведь разве сможет «по очереди» Сопронов — такие живут по принципу «твое-мое и мое-мое», с ними не договоришься...

Матрос Василий, брат Павла Пачина, недоумекает и злится, видя то, что творится в родной деревне.

«— Чего вы все... зажались как...— Матрос не мог подобрать слова.— Этих... братанов Сопроновых бояться сразу две волости. Да их... скрутить обоих и в баню! И двери колом припереть!

— Этих скрутим, другие явятся.

— И тех туда! А чего?»

Василий надеется, что власти поймут и поддержат: Павел давно изверился в справедливости. Но боится ли он? Нет, тут другое. Через несколько минут, спасаясь от гангрены, он сам отрубил раздавленный палец на своей ноге, а плакать будет матрос. Такой мужик, как Павел Пачин, многое может, но есть в нем и здравый смысл и еще нечто более глубокое.

Примечательным в этом смысле представляется мне рассуждение критика И. Рогощенкова: «...когда нет разумного выхода, когда будущее неопределенно, смутно, тревожно, неизменно оставалось одно — древнее общинное, мирское правило: как все, так и мы, ибо, действительно, на миру и смерть красна... Но общее сознание, общее мнение надо было выразить, надо было взять тяжесть решения на себя самому опытному, самому уважаемому. Дед Никита исполнил свой долг — решительно, без колебаний — и всем стало легче. В. Белов показал нам единую душу семьи в тяжелый для нее момент глубоко, с простотою и тонкостью большого художника» (Север, 1989, № 9, стр.118).

Аналогичным образом приходили к трудному решению и другие односельчане Роговых, в их числе — Данила Пачин, и тысячи крестьян по всей России. И не слепое «роевое» начало вело мужиков, как сказали бы «теоретики», а мудрость самосохранения рода. Но нет, и этот проверенный веками опыт не помогает в условиях абсурда, перед глумлением, не ведающим логики. И не разделит ли семейство Роговых судьбу украинцев, которых везут в северные края?..

Что их ждало, оторванных от родных корней украинских и русских крестьян, рассказывает Олег Волков в своих воспоминаниях «Горстка праха» (Юность, 1989, № 3), и его впечатления во многом совпадают с беловскими.

...Караваны барж по Двине и бесконечные составы свозили в Архангельск спецпереселенцев, а размещать их негде, и они, подавленные и беспомощные, слонялись по городу в поисках куска хлеба, «глыбы горя и обреченности». Освобожденные из зоны старики не хотят покидать лагерь, — им некуда податься. «Да что же это за времена настали, — восклицает автор, — коли гиблый лагерь милее той самой расхваленной счастливой жизни, дарованной рабочим и крестьянам?» Довелось ему увидеть один колхоз в зырянском краю, созданный «кулаками», из которых только пятая часть выжила. Построились они, засеялись, огороды разделали, «и уже спешила власть обложить их татарской данью, начисто забыв о своем обещании на двадцать лет освободить «новоселов» от всяких податей и пошлин». А начальник им еще и толкует, мол, партия да родной това-

рищ Сталин поручили им почетную задачу — «сделать цветущим советский Север, где была прежде царская каторга». Ну не бесовский ли глум!

Время показало, что крестьяне выдержали великие испытания, хотя и с неисчислимыми потерями, казалось бы, через невозможное. «Народ обладает своими, скрытыми «секретными» средствами для питания собственной души и для спасения жизни от истребления «высшими людьми», — писал Андрей Платонов, уже пройдя опыт «Котлована» и «Чевенгура», отмечая, что у «высших», напротив, «этот опыт почти сведен к нулю, и поэтому там не может иметь места реальная истина жизни — ее там не зарабатывают, а проживают и делают бессмысленной»¹.

4

Ну и что же происходит там, в «высших эшелонах власти» и среди людей мыслящих?

...Вот он обедает дома, в неприметном кремлевском доме, сердясь на жену за грузинскую еду, что «появляется на столе слишком часто», назойливо напоминая «о его кавказском происхождении», не замечает вопросов жены по поводу юбилейного ужина — он «редко замечал несобственные обиды». Он раздражен тем, что вспомнился некстати Троцкий, «этот веч-но путешествующий Цицерон», и недоволен славословиям в газетах — «жизненные итоги» его не вполне удовлетворяли. Но, покидая домашних, он «с улыбочивым прищуром взглянул на детей» и, слегка косолапя, вразвалку, но довольно проворно ушел из гостиной».

У себя в кабинете наедине он думает не о домочадцах и не о делах даже, а о тех, кто их исполнять должен. Думать можно, не выбирая слов, и оценки его саркастичны и резки: «Рыжий писатель, он же и живописец и любитель птичьего рынка, не хочет капитулировать. Кажется, что уже обезврежен, сбит с толку, но все еще пускает остроты. Впрочем, его песенка спета. Рыков не страшен, поскольку считает себя вне политики. Каков идиот! Как будто бывает кто-нибудь или что-нибудь вне политики. К тому же бородач пьет перед обедом, и пьет не солнечное цинандали, а свою рыковку. Скрябин и Рудзутак верны. Верны? Даже этот с виду дураковатый крестьянский козел Калинин на самом деле старая и хитрая лиса. В любой момент может переметнуться. Клим? Дурак и бабник. Оба с Кировым любители балерин. Ах этот Демосфен в Ленинграде! Он тоже пока

¹ Платонов А. Собр. соч. в трех томах, т.2. М., «Сов. Россия», 1985, с. 304.

верен, но можно ли опереться на него в трудный момент? Все еще играет в свою паршивую демократию, без охраны ходит по заводским митингам. Пожалуй, доводится...» Непонятен пока ему Каганович, отчего и вызывает особые подозрения, и снова тень Троцкого...

Вечное ожидание опасности научило быть наблюдательным, и за каждой оценкой встает конкретный человек в бытовых и психологических подробностях, в политической конъюнктуре... А «синий табачный дым сложился почти на уровне верхней фрамуги», оформляя этот бесплотный театр живых теней. И некстати приходят на ум какие-то эпизоды из прошлого, оставляя вовсе не юбилейный осадок. Нет, лучше ближе к делу! И вот уже Поскребышев несет чай и телеграммы: с ним и анекдотом переброситься можно, он и указания выполняет четко...

Две-три журнальных страницы потребовалось Василию Белову, чтобы пластичными линиями набросать живой и выразительный портрет Сталина,— к нему он больше не станет возвращаться в этой хронике. Скупые жесты, немногословные и простецкие реплики, воспоминания и раздумья — не развернутым внутренним монологом, но краткими наплывами,— так складывается его многомерный образ, хотя и недосказанный. Доскажут дела его.

А замыслы генсека воплощают Каганович и Яковлев, вновь испеченный нарком российского земледелия, не ведавший «разницы между озымым и яровым севом», разработавший «грандиозный план невиданного в истории преступления». Но он оказался еще недостаточно решительным, и в «левизне» вслед за Сталиным соревнуются Верейкис и Рыскулов, Голощекин и Косиор... Родилось решение ЦК от 5 января 1930 года «О темпах коллективизации», предопределившее судьбы миллионов крестьянских семей. Резкими прямыми словами пишет В. Белов об этом шабаше: так было,— вождь народов неуклонно шел к цели.

Насаждалась она в жизнь, эта «великая» цель вождя, не то чтобы твердой рукой — колебаний и срывов хватало,— но с безоглядностью и увлечением. Всех лишних, кто мог посеять в деревне нежелательные сомнения, прибрали в тюрьмы. Там нашли себе место известные нам по «Канунам» герои В. Белова Прозоров, бывший дворянин и бывший революционер, и поп Рыжко, Николай Иванович. Интересны и поучительны страницы о них, одухотворенных поиском смысла жизни в этом вздыбленном, растрепанном мире; а с другой стороны, мы узнаем, как формируется государственная машина насилия, для служителей которой вор дороже и ближе труженика.

Белов, кажется, и не хочет живописать этих деятелей, испытывая нормальное чувство омерзения к ним. Думается, только поэтому он перепоручает доктору Преображенскому рассказ о Кедрове (имя которого, кстати и нынче носит одна из улиц в Вологде).— разумеется, это не дает никаких оснований считать доктора «рупором идей» автора.

«— Значит, Ранса Майзель — это вторая жена Кедрова? Вот оно что! Партийный псевдоним у нее Пластинина... Город Архангельск весьма и весьма близко знает этого палача в юбке, — рассказывали, что Пластинина стреляла в тифозных больных. А ее муженек развлекался тем, что прививал тиф выздоравливающим раненым. Медицинское образование он получил в Лозанне... Гордится знакомством с Горьким, играл Бетховена Ленину. Какая широта интересов, не правда ли? Впрочем, всем инструментам музыки он предпочитает, по-видимому, маузер...»

Сам северянин, доктор Преображенский пользовался, судя по всему, достаточно вескими сведениями. Во всяком случае, и Варлам Шаламов ранее написал очень строгие страницы о его кровавых «художествах» и судьбе. Вот хотя бы, только один факт: приехав в Вологду в 1918 году с особыми полномочиями от Ленина, он не нашел ничего лучше, как перестрелять в этом маленьком провинциальном городишке двести заложников, то есть людей совершенно невинных (кстати, и сам он погиб в бериевских застенках).

На всякий грех есть свое воздаяние!..

Казалось бы, непросто жить и тем, кто хочет «переделать жизнь», — тоже свои передрыги случаются, так и с Ерохиным. Однако психология службиста у него уже выработалась: «Мало ли что бывает! Губком разогнан, губерния поделена на округа. Однако ж он, Ерохин, не был забыт, его взяли работать в ОГПУ. Пригодилось старое знакомство с Семеном Райбергом, который рекомендовал Ерохина Касперту и Прокофьеву. Теперь Ерохин вновь на переднем крае, ему поручено дело борьбы с поповской контрреволюцией...»

У него было снова оружие и отдельный стол в общей комнате. Касперт уже сулил и кабинет...» За оружие и кабинет такие готовы свою душу продать, что им чья-то чужая! Только против убежденности священника Николая Перовского нет у Ерохина аргументов, кроме мата и браунинга: стремление удержаться у пирога власти духовно опустошительно.

Кадров, чтоб «громადье» сталинских планов воплотить в жизнь, не хватало, — ведь «старая гвардия» не была многочисленной и сосредоточилась «наверху», постепенно истаивая в политической грызне. А страна так

непомерно велика! Нужны были новые люди, и они нашлись: одни добровольно рвались к пирогу власти, как Ерохин, другие — под нажимом.

Неожиданное превращение явил в хронике Василия Белова молодой рабочий-москвич Арсентий Шиловский: вовлеченный в «органы», он стал палачом. Сцены его жуткой жизни можно сравнить разве что с повестью В. Зазубрина «Щепка» (1923), лишь недавно опубликованной («Сибирские огни», 1989, № 2, «Наш современник», 1989, № 9). Цинизм в отношении человеческой жизни, растрление личности — удел Арсентия. Впрочем, он еще испытывает какие-то муки, а Михаилу Кедрову сентиментальность неведома — он из «пламенных революционеров».

Уже в лагере таких «десятелей» довелось видеть Олегу Волкову. «Их ниспровержение нельзя назвать нравственным крушением,— пишет он.— Ведь, будучи у власти, «они сделали глухи к морали и этическим нормам»,— падшими ангелами называет их Волков. В заключении они «становились отчаянными стукачами, кусочниками», и там искали привилегий. А их жертвы гибли на бескрайних просторах Сибири, Казахстана, Зырянского края... — «не люди, а горстка праха, вьющегося за колесницей революции».

Но были, были и те, чья душа в экстремальных обстоятельствах открылась для милосердия.

Историю удивительного духовного возрождения являет в хронике Василия Белова сельский священник Николай Иванович Перовский. На воле не знавший уныния и в своем поведении — меры, поп Рыжко унижал свой сан, по мнению мужиков, но не умел смирить неуемную натуру. В тюрьме он остался самим собою: тот же юмор, та же уверенность в себе. Нет, не страшны ему угрозы чекиста Ерохина: все равно, не от пули умрешь, так от вши тифозной,— насмотрелся он здесь на муки спецпереселенцев.

Посерьезнели мысли попа да и было отчего: в одном монастыре, Прилуцком, тюрьму разместили, в другом — Духовом — поселились чекисты (кстати, и до сих пор там обитают, только старые стены снесли). А ведь в пору лихолетья 1612 года, когда «Литва и русские воры ходили по деревням, насильовали женок, отбирали скотину и рубили головы мужикам», прилуцкие монахи явили твердую веру и с пением духовным приняли смертную муку в огне.

А теперь разве не тот же разбой на земле творится?

Вспоминаются Николаю Ивановичу горькие и строгие слова послания патриарха Тихона: «Гонения воздвигли на истину Христову явные

и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани». Нет, не стал священник Перовский, примкнувший к живоцерковникам, читать мирянам тревожное и взыскающее послание.

Все острее сомнение мучает отца Николая: «Новые иерархи уже не поклонники ли Иуды Искарота?..» Вернувшаяся в испытаниях вера ведет его на духовный подвиг, и шаг этот непреложно превращает раблезианскую, комическую фигуру сельского попа в образ трагический и героический.

Когда-то не смог найти своего места в революции бывший дворянин Сергей Прозоров и теперь не в силах понять гонения на мужиков. Только в тюрьме он до конца осознает глумливую абсурдность происходящего. И поскольку «он не знал еще, как ему жить в этом мире, сошедшем с ума», его душа и воля тоже обращаются к богу. «...Научи молиться тебе, избавь от лени и страха. Страшна ли мне дорога страданий? О нет! Боюсь не ее. Страшней во сто крат торжество зла...», — страстно заклинает он.

Понять бы это своевременно всем, к власти рвущимся, всем, причисляющим себя к кругу мыслящих...

5

Тяжелы, суровы, горьки страницы Василия Белова в его хронике «Год великого перелома». Они побуждают глубоко задуматься, как все это могло случиться, как? Ищут ответ историки, ищут философы и экономисты, — в периодике публикаций пруд пруди, а даже и приблизительность еще не наметилась. И напрасно ждать всесторонне исчерпывающего ответа от художника слова: его задача иная, она и проще и сложнее. Показать, как это было — через даль времен — нелегко, но объяснениями его никто обязывать не вправе: есть все-таки весьма существенное различие в функциях науки и искусства.

Довольно того, что В. Белов показал трагическую вину русского крестьянства, обеспечившего в гражданской войне победу тех сил, которые на него же, обезоруженного, и обрушились спустя десятилетия. «За землю, за волю» шли они и увлеченность своим интересом сделала их слепыми. Не разглядели они кто есть кто среди тех, кто вел их «на бой кровавый, святой и правый». Но тут и беда начинается: а кто оказался более зрячим?.. И снова приходится говорить о несостоятельности интел-

лигенции, ее глубокой отчужденности от народа. В чем и как дала себя знать эта отчужденность, русская мысль проспорила весь прошлый век да и за нынешний ей не разобраться. Вот эта вековая дилемма русской истории поставлена у Белова многомерно, диалектически гибко, с художественной полнокровностью.

Чего ж, казалось бы, еще?

Нет, говорят, этого мало. Ныне «взгляд на коллективизацию, по мнению Игоря Виноградова, как на величайшее народное несчастье может быть обозначен уже и в открытую. И, разумеется, не просто обозначен, но и развернут, обоснован... со всей той полнотой, четкостью и определенностью выражения авторской точки зрения, к которым обязывают сегодняшние возможности обсуждения когда-то запретной темы» (Московские новости, 30 апреля, 1989). Вот ведь, думается, взгляд Белова и «обозначен, но и развернут, обоснован»: сам же критик находит в хронике Белова «тот обобщенный и поистине убийственный в своей фресковой монументальности образ народной беды» (выделено автором — *В. О.*), который и есть главный образ этой книги, образ, неотразимый в своей достоверности».

Чего же боле? Сквозной художественный образ и есть истинная цель любого писателя, и она так или иначе успешно реализована Беловым. А «сегодняшние возможности обсуждения» той или иной темы, что они стоят сами по себе! Сегодняшние возможности обсуждения продовольственной программы давно бы должны снять с повестки дня вопрос о хлебе с маслом, а мы тем не менее с каждым годом все туже затягиваем ремни.

Нет, видимо, других причин неудовольствия И. Виноградова искать надо и долго искать не приходится. Везде в романе видятся ему «недоговоренности», «загадочные полунамекы», «ускользающие в своей семантической невнятности метафоры»... Невольно запутаешься, если речи персонажа станешь принимать за авторские мнения, а неправомерность такой методики исследования будешь оправдывать особой близостью, вплоть до стилистической, доктора Преображенского писателю Белову. Полно! И представлен-то доктор речью сухой, информационной, по-интеллигентски обезличенной, разве что раздраженной — так ведь и было отчего... Его суждения, показавшиеся Прозорову (а не Белову!) «необычайно ясными», вовсе не оригинальны. — они были обычны, в кругах (наверное, «определенных») интеллигенции той поры.

Но что все-таки перепугало И. Виноградова? — ведь ходит вокруг да около. А оказывается, надо ему задать писателю вопрос, к искусству от-

ношения не имеющий: как, мол, ты, братец, не из того ли журнального круга, в глазах которого «мировое зло» реализует себя через существование некоего тайного «жидомасонского заговора»? Уж часом, не антисемит ли ты? — ярлык весьма бы кстати пришелся...

Согласитесь, в условиях нашей гласности — вопрос не из корректных да и совсем не по адресу. Допустим, В. Пикулю как автору романа «У последней черты», в котором проникновение еврейства в экономику и политические структуры Российской империи накануне Февральской революции поставлено в центр проблематики, темой является, было бы логично задать такой вопрос с точки зрения документальной обоснованности. И пришлось бы признать, что в романе вяловато проблема заявлена: во всяком случае, книга воспоминаний Арона Симановича «Распутин и евреи» (Рига, 1926), послужившая одним из источников, сама по себе гораздо убедительнее да и выразительнее, — а уж он-то дело знал, из первых уст, из первых рук... А Белову задавать подобный вопрос, по крайней мере, неправомерно, — у него если «еврейская» тема и звучит, то действительно «на периферии».

Да разве «ради истины» вопрошает критик!.. Это всего лишь надоевшие журнальные игры, в которых И. Виноградов вполне солидаризируется с Л. Аннинским, да и не только.

По моим наблюдениям за текущей печатью и сам нелепый термин «жидомасонский заговор» придуман совсем в других журнальных кругах в качестве «буки» для интеллигентских недорослей. В сих кругах убеждены, что если масоны и были, то лишь в пору Французской буржуазной революции; а что в России Новиков и кое-кто из декабристов ложи создавали, так это просто игра... Тем не менее, проблема эта очень серьезна, наука к решению ее не приблизилась нисколько, и В. Белов прав, что не впутался в нее. А что какие-то отзвуки И. Виноградов нашел в хронике, — надо ли этому удивляться?

В самом деле, чем вам троцкизм — не «мировое зло»? Поэкспериментировав вдоволь, прямо и косвенно, на русском народе, разве отказался он от идеи «перманентной революции», которая долго пугала Запад и питала недоверие к СССР, усугубляя гонку вооружений. А «подручных» в стране у Троцкого хватало (и до сих пор кое-кто жаждет его реабилитации) и в числе их, как это ни горестно признать перед Виноградовым, «единокровных» несостоявшемуся вождю. Он их с собой за границу не вывез, — им только и оставалось использовать свою неумную энергию в коллективизации. Фамилии их у Белова, кстати, не вымышленные, по

крайней мере, на союзном, краевом и областном уровнях, а по волостям так их не было — там кресла тесны.

Впрочем, не будь в тексте хроники Василия Белова «говорящих» фамилий, скорее всего и сыр-бор не загорелся бы. Но почему же одним позволена такая «вольность», другим — нет? Вот ведь у А. Рыбакова и Ю. Домбровского в романах подобных фамилий более чем достаточно, но кривотолков ни у кого не возникает. А что будет, когда миллионы прочтут «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына? Да ведь, наверное, затравят бедного!.. Кстати, в одной из своих статей в сборнике «Из-под глыб» (Париж, 1974) он прямо писал, что кровавые жестокости послеоктябрьских страниц истории России во многом определены активным участием в событиях людей иных национальностей (латышей, евреев, армян и т. п.). Задумаемся, за этим мнением что-то же есть?..

Наверное, уже довольно потешать людей призраками и пора по-научному решать трудные вопросы истории. Роль масонства вчера и сегодня, сионизм в истории и современности, — такие и подобные, далеко не во всем совпадающие проблемы, имеющие длительную историю и огромную литературу в прошлом (ныне «забытую») и настоящем (постоянно оплевываемую), — они бы должны и теперь обсуждаться в печати. А они замалчиваются, несмотря на все возможности гласности сегодня, или сводятся к оглуленному «жидомасонскому заговору». Зато «голоса из-за бугра» всюду кричат об антисемитизме в России. Да в чем он проявляется-то, в конце-концов?.. Вот, поди-ка, и я теперь по причине собственного неведения попаду в число антисемитов...

Во всяком случае, Игорю Виноградову и его многочисленным соратникам спасибо: если десять-пятнадцать лет назад по проблемам сионизма и масонства у нас в обществе был нулевой образовательный ценз, то теперь многие стали понимать или догадываться, что к чему — по принципу: нет дыма без огня. А стремление замолчать проблему объясняется либо по интеллигентской наивности, либо по принципу — чует кошка, чье мясо съела. И когда Виноградов срамит и увещевает Василия Белова именем русских писателей, — он искажает истину. Конечно же, до глупости «жидомасонского заговора» они не опускались, но и еврейскую проблему (скажем, у Ф. Достоевского, А. Чехова, А. Куприна) понимали вовсе не однозначно. И даже более лояльные Владимир Соловьев и Николай Бердяев во многом должны очень не понравиться И. Виноградову по логике его суждений.

...Вот ведь как далеко от хроники Василия Белова «Год великого перелома» Игорь Виноградов ушел да еще за собою увел и меня, грешного...

6

Как же так случилось, что святая для поколений русской интеллигенции идея народной свободы оборотилась глумом?

Да, тут действительно имели место «блуд интеллигентской мысли, левачество, опыты над человечеством» как политическая опора сталинизма, пусть и не хочется признать это Л. Аннинскому. Ведь могут же мужики не отрещиваться от своих «творений», помните: «А наш-то Игнаха от нас самих. Сами взрастили»,— тихо говорит старый Никита Рогов о Сопронове. И не вспомнит он даже об учителях его и вдохновителях, ни на кого не перекладывая вину.

Операции таких масштабов, какие проводил в стране Сталин, требовали привлечь армию убежденных исполнителей, безоговорочно преданных партийной дисциплине, а вернее — своему клану и «вождю». Кое-что из «прекрасного далека» поняли А. Кестлер в романе «Слепящая тьма» (1938) и Д. Оруэлл в романе-утопии «1984» (1949),— но где же было понять советским писателям!

Больше сотни их одной бригадой по почину А.М. Горького поехали на строительство Беломоро-Балтийского канала,— об этом написал теперь книгу «Отлучение» («Знамя», 1989, № 3-4) автор нашумевшего тогда романа «Я люблю». Увидели они «беленькие аккуратные бараки, цветники», энтузиазм увидели,— все в восторге. Впрочем, скептичен бывший князь Мирский, только его Саша Авдеенко не понимает, да Янка Купала нечто подозрительное про мужиков, что «от родной земли отчуждены», вириши сплести пытается. Гораздо понятнее Валентин Катаев, которому в этой поездке «пахнет хлебным романом».

И везде — в застольях и на митингах, звучит новое слово — «перековка»: «Преступник перекован в человека!» — восхищается молодой писатель из рабочих. А в 1934 году вышла из печати огромная книга «Канал имени Сталина» под редакцией М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина — все авторы «перековкой» восхищены. Сам Горький до слез потрясен отчетом писателей о поездке и успехах ОГПУ в перевоспитании людей.

Так что это — глум над бедой человеческой, над людьми огромной страны?

А ведь Александр Авдеенко знал о том, что «более ста тысяч строителей живут в барачном городе. Первые жители Магнитки — раскулаченные мужики. Место, где они обосновались, называется снечпоселком». Вскоре молодой писатель напишет роман об этом, и снова Горький похвалит: «Крестьянин Максим Недоля был бессовестным собственником — стал ударником, гордостью Магнитки. Это, знаете, такая дистанция — не измеришь ее никакой старой меркой». Где уж, у Льва Толстого таких мерок и вовсе не было...

По традиции радикальной интеллигенции, жаждавшей перевернуть страну, советские писатели жили и мыслили расхожими лозунгами, не желая понять, что же происходит, и не умея найти оптимальные решения. В крестьянской стране они были далеки от крестьянства, чужды ему. Что говорить, если и великий Горький не видел в нем позитивных начал. Он надеялся, что только революция изменит «звериный русский быт», внесет свет «во тьму народной жизни», что мужик послушно пойдет «по пути, предуказанному его темной воле людьми мудрыми, людьми разума» (Литературное обозрение, 1989, № 9, с. 102, 105). А уж они показали — до сих пор насмотреться не можем... И писали они, например, «о целине социального варварства» нашей «бедной нации» (Л. Троцкий. См. «Вопросы литературы», 1989, № 7, с. 192); из того же источника пошла по свету и вонючая формула «идиотизм деревенской жизни», которую до недавнего времени с упоением повторяли во всех учебниках.

Нет, не случайно обмолвился пролетарский писатель — это система его представлений, которая навязывалась всей литературе.

А что думал он на крымской даче ЦК в Тессели, когда крестьянское хозяйство уже обобществили, а страну охватил небывалый голод, когда аресты в среде управленцев и деятелей культуры стали обычным явлением? Там, в Тессели, навестил Горького А. Авдеенко, где встретил его комендант от ОГПУ Басов, отвечающий головой «за жизнь и покой великого писателя». И ограждают его «колючая проволока забора» и в кустах «красноармеец с винтовкой», а по ночам еще и «собачки». А вообще «здесь не хуже, чем в Сорренто». Что это, опять глум? И пассивная и активная роли выпадали Алексею Максимовичу в этой сатанинской игре. Во всяком случае, от своего «крестника», не угодившего чекистам, открылся он грубо и бестактно.

С этого и началось «отлучение» А. Авдеенко от литературы.

Правда, свои «хождения по мукам» его, как и многих, научили мало: зачем бы иначе писал он книжки «про шпионов» в 50-е годы и выдал

«образцовый» производственный роман в 70-е... И только теперь «Отлучение» честно свидетельствует, что к закату дней писатель пришел с открытыми глазами.

Трудно даётся интеллигенту прозрение!

Наверное, не случайно так понравились горьковские «Несвоевременные мысли» Л. Аннинскому, хотя он предусмотрительно оговаривает условность, «мифологичность» крайних позиций (Дружба народов, 1989, № 5, с. 241). А вот Е. Лосото недавно в «Комсомольской правде» высказалась о том, что крестьян, не отдававших продотрядовцам хлеб, и надо было расстреливать. Поверьте, эти мнения не так уж далеки друг от друга. Их объединяет высокомерное недоверие к народу, как будто перестройку обеспечат витии с пером, а не мужики в городе и деревне, получившие свои права.

Более полувека понадобилось, чтоб мы, наконец, поняли, что «семейное трудовое крестьянское хозяйство — первооснова сельской жизни» (В. Узун). Василий Белов в «Ладе» всесторонне обосновал эту мысль, в «Канунах» художественно воплотил, а в хронике «Год великого перелома» мы увидели масштаб разрушений и разлада. И нет теперь семейного крестьянского хозяйства как такового...

Между тем, глум продолжается: человек у земли и теперь гласности не получил, — за него по-прежнему «златоусты» и «доброхоты» думают. Следовательно, опять нет гарантий против субъективных решений. Признав, что мелкотоварное производство не реставрирует капитализм, доктор экономики В. Узун все-таки предостерегает, что «без политических гарантий идти по этому пути опасно» (Литературная газета, 15 марта, 1989, с. 11).

А я бы сказал, что у нас и «политические гарантии» не дорого стоят, — опыт прошлого предупреждает об этом. И сейчас ничего не поменять в отношениях на земле, если не включить механизмы народной жизни. А лежат они на путях регионального, научно обоснованного и последовательно проведенного хозрасчета, начиная от мельчайшей производственной и общественной ячейки. Здесь гарантия прочных демократических завоеваний и предупреждения былых заблуждений.

Апрель, 1989

ЗАЛОЖНИКИ

Завершая скорбную летопись

О романе «Час шестый»

Отшумели над крестьянскими избами ледяные ветры года «великого перелома». Каждый из героев в общей беде обрел свою судьбу, и горьки эти судьбы. Но жизнь есть жизнь, и входит она в свое новое русло при утихающем будто бы разливе своеволия властей, оставившем надолго сор и хлам, смятение и тоску. А жить-то надо, и герои примираются, казалось бы, с необычным для себя состоянием и положением.

Вникая в их непривычные теперь, но и такие вековечные заботы и тяготы, Василий Белов как-то даже спокойно и умиротворяюще ведет повествование в последнем романе трилогии «Час шестый». Но нет, уже название говорит о том, что мера народных страданий не исчерпана. Тот час последних мучений Христа и для крестьян еще предстоит, но терпение, снова терпение... А может быть стойкость русских людей перед невзгодами, без которой просто не выжить древнему племени русичей?

Сдержанную радость и неприкрытую растерянность перед обстоятельствами, казалось бы, неборимыми испытывает Евграф Миронов, покидая тюрьму. Ну что за беда, денег нет и переночевать негде! Прикорнул возле чужого крыльца (благо, теплынь стоит) да подрядился золотарем несколько дней подработать, чтоб денег на проезд к дому хватило. Хотя и претит ему такая работа, но он, крестьянин, понимает необходимость любого дела. Только вот после, встречаясь с земляками, чистоплотный мужик застесняется крутым запахом, что принес он из города на себе, но и это преходяще.

Однако остался Евграф прежним, приветливым и доброжелательным,— этих его качеств и тюрьма не вытравила. И настоящей радостью согрета его встреча с односельчанами, пусть деревенские новости вовсе не утешительны. И родного дома он лишился, и многих в деревне не досчитался. Где-то в лагерях затерялись и Пашка Пачин и тесть его Иван Рогов; Данилы Пачина след простыл и от Гаврилы Насонова из лагерей ни одного письма нет...

Все-таки общая работа (сенокос! — правда, по-глупому ранний, травы не обсеменялись) как бы возвращает его в прежний привычный мир. Вот только мельница запущена, как и дегтярный завод в Ольховице. Зато

семья встречает с искренней радостью, и Васька Пачин в отпуске собрался жениться на Тоньке-пигалице. И все так же безудержно хохмит Киндя Судейкин...

Они бесконечны, эти сельские новости, порою лишь вскользь отмеченные, и на первых же страницах дали возможность писателю вновь представить многих уже привычных нам героев трилогии. И все так же пахнут травы и животворным теплом делится с людьми неумное солнце. Жизнь продолжается, и пусть мужику, деятельному хозяину, надо решать заново вопрос с жильем,— ничего, он справится! Главное — выстоять, не согнуться, и вот он уже решает наняться в пастухи, что для доброго хозяина считалось зазорным. Что из того, нужда повелит, он и на то пойдет.

А «солнышко садилось в такой лазоревой, такой золотой широте родимого неба, таким теплым запахом высыхающих трав тянуло с пожен вместе с вечерней прохладой, что у Евграфа опять захватило дух: «Дома! Ведь он в Шибанихе! Ни тюрьмы теперь, ни чужбины... Слава богу...» И семейство садится за незатейливый ужин. Все как было от века. И прежнее доверие сохранилось к мужику: после тюрьмы, не глядя на подмоченную справку об освобождении, поставлен он в сельсовете на учет.

Много их будет, разных бытовых мелочей в «новом» евграфовом положении: избенку заброшенную прибрать, топор подходящий найти и привести в порядок, печь ладить, да что там — умыться не из чего,— таковы ли прежде были заботы крепкого хозяина! Но он берется за все, и всему семейство его обездоленное радуется. Радуют и соседи — не присвоили упрятанный в яму сундук с палашкиным приданым,— не у всех еще растеряна совесть.

Только вот в колхозе путевого порядка нет как нет. И чего далось Игнахе Сопронову привязаться к последней единоличнице Самоварихе? Да ведь чувствует «ущемление» своей власти (хоть и ходит пока «без портфеля»): не слушается старая и за словом в карман не лезет! А силосование идет со скрипом (кто же умный станет в погожую погоду силосовать, а не сушить). И районные власти (знакомые нам следовательно Скочков и теперь уже предрик Микуленок) требуют вести подписку на заем, взимать страховку и гарнцевый сбор (за пользование мельницей), кроликов разводять,— мало ли у них, властей, «потребностей!» Нужды деревни они и знать не хотят и во всем «берут на горло», наверное потому всем-то гуртом не могут справиться со строптивой Самоварихой, а не то что общее собрание колхоза собрать в сроки им угодные.

Как ни пугают власти народ, уже вроде бы вовсе запуганный, а у мужиков свое словцо завсегда найдется. Бьет, к примеру Нечаев комаров-кровососов, вопрошает, «откуда их столько набралось?»

— Как откуда? — кротко заметил Жучок. — Все из райёна летят, больше неоткуда... Вон, говорят и Ковка Микулин присвистал.

Нет, не изменяет юмор мужикам, прибаутки сыплются сами. С усмешками воспринимают на собрании даже заявление Евграфа Миронова с просьбой назначить его пастухом. Похохмили вволю да и назначили, то есть выбрали... председателем колхоза! Это вчерашнего-то арестанта. А начальство районное хоть и в страхе перед вышестоящими за такое самовольство, а против воли колхозников пойти не решились.

А жизнь деревни идет заведенным порядком. Женится матрос Василий Пачин, надоедает Вере Роговой «влюбленный» Акимка Дымов, тешит народ своими частушками Акиндин Судейкин. И вдруг событие тайное и неординарное: появляется Павел Рогов, сбежавший с поселения, — это одна из главных сюжетных линий романа «Час шестой». Он вынужден скрываться, дав о себе знать лишь немногим, а пристанище находит в далекой лесной избушке деда Никиты. Их диалоги важны для понимания сути романа.

За всех грешных молится дед Никита, прося Господа очистить их «от всякой скверны». И убежище его подобно часовне, с крестом на крыше, а кругом глухая тайга, болото и на нем золотые морошковые россыпи да заросли черники. От мира ушел сюда дед как в скит, а внуку тем не менее твердо внушает:

«— Иди в деревню-то... Как только заживут ноги, так и иди. А сапоги попроси займы... у Еграши.

— Нельзя, дедушко, мне к нему показываться!

— Дак товды не надо было и Печору кидать!»

А следы Пашки мужики углядели-таки на лесной дороге. И устроена погоня за ним с милиционером да Игнахой Сопроновым во главе, но бестолково — то ли из безалаберности, то ли из скрытого сочувствия беглецу, который покинул избенку за день до прихода мужиков. А те избенку нашли и подстрелили деда Никиту. И лежал он на ягоднике, и его «лицо будто бы улыбалось, радуясь новому состоянию». И припоминаются его слова, сказанные внуку: «Кабы прежнее время, ушел бы я к Мартемьяну да Ферапонту. А кабы прибрал меня Господь во свои дворы, дак и тово бы лучше». Вот теперь его желания осуществились, и святая душа старика нашла путь к Богу.

А Павел Пачин зашел к Володе Нечаеву, встретился с женой Верой. Напоследок подошел к мельнице. Ветер как раз вышиб подпорку, державшую крылья, и они вдруг «пошли в обратную сторону», переломав весь механизм. С уходом настоящего хозяина приходит конец и его творению. Сквозной образ-символ эпопеи получает свое завершение.

Исчез Павел Пачин из жизни Шибанихи, нет, не сгинул, а нашел себе место на чужбине, куда вызвал и жену с детьми. Мало-помалу разъезжались и другие его односельчане, а иные уходили в мир иной. Братья Пачины и Нечаев погибли на войне, сгодились-таки Родине, властители которой были так к ним безжалостны. Бесконечен перечень утрат, в результате которых «Шибаниха исчезла из нашего мира», как и тысячи российских деревень. И реквиемом звучат слова Василия Белова:

«История деревни смахивает на дурной сон. Трагична, безжалостна судьба буквально каждого крестьянского двора, каждой семьи. Из этого правила исключений не существует».

Несколько глав В. Белов посвящает в романе «Час шестый» и кремлевским владыкам, их политической возне. Кинув крестьянство, этот корневой слой нации, в жертвенный залог «мировой революции», а точнее — своим низменным целям, они не заметили, как сами превратились в заложников деструктивных мировых сил.

Произошло это в два жестко определенных этапа: начало годов тридцатых и наши годы на грани тысячелетий. А между основными вехами — менее заметные вроде новаций Хрущева или централизации села с уничтожением «неперспективных» деревень.

Наследники тех, кто гробил крестьянство и в тридцатые, и в шестидесятые-семидесятые годы, без сожалений расстались с идеалами Великого Октября, частично фальшивыми, частично оболганными. Они сменили одни кресла на другие, впрочем, и кресла-то порою остались те же — лишь названия должностей поменяли да новые места пришлось придумать для шпаны, без которой оказалось невозможным разделить ворованный «пирог». Не случайно же число чиновников-управленцев за десять лет выросло вчетверо. Попробуй, накорми их, утешь безразмерные аппетиты! Тут невольно для обездоленных придется «искать деньги под фонарем», не обращая внимания на очевидное. А наши СМИ и TV, прежде всего, будут с безудержным восторгом заниматься мистификациями.

Впрочем, ныне «реформаторы», а точнее — разрушители, надеясь на свой безусловный успех, бегут навстречу деструкции, не желая замечать,

как лакомый пирог уплывает из их жадных, вороватых рук. Да, «закладные» уже в изряднейшей мере перепроданы «за бугор» по таким «правилам игры», которые для людей с нормальным здравым рассудком абсурдны. Ведь только абсурдизм и может объединить «новых русских», их приспешников и холуев под развесистой сенью глобализации.

Увесисты и горьки плоды раскрестьянивания.

«Вернуть утраченный крестьянский лад — невозможно, в этом убеждают произведения Василия Белова, — пишет критик Владимир Бондаренко. — Но на основе тысячелетием органически сложившегося уклада, с его устойчивым «космоцентрическим» социальным равновесием, мы сможем быстрее обрести свой новый отечественный вариант социального и экономического развития общества, опираясь на те же самые традиционные ценности. И потому, я глубоко убежден, что такие традиционные произведения, как романы, рассказы и повести Василия Белова, — не дань отжившему времени, не этнографический интерес к прошлому, а единственно возможный для всех нас путь в будущее».

Строгие и обнадеживающие в чем-то строки...

Да, горечь утрат на пути любого человека неизбежна, но едва ли не более тяжка утрата надежд. С крохотного и чрезвычайно емкого этюда «Не гарывали» (1968), который по праву можно назвать прологом к мощной эпопее-трилогии «Час шестый», Василий Белов основательно исследовал сложнейшие проблемы русской национальной жизни и понял их глубже, чем профессионалы-историки, постигая истину в жизненных процессах. А истина сладенькой не бывает, зато помогает прозревать будущее.

И в наши годы, когда ржавое колесо истории вопреки воле народа вдруг нелепо повернули вспять вместо того, чтобы просто отказаться от всяких «изм'ов» и обрести здравый смысл, жить надеждой все труднее. Вряд ли история простит такую вздорную самодеятельность, но новые «герои» и помышлять не хотят о последствиях. Как, может быть, никто другой, Василий Белов понимает суровый драматизм последних лет, хотя сознать торжество безобразия мучительно для творца.

Многие из нас надеялись на новые пути развития России в новое время, и они были, иные пути, но оказались невостребованными. Тем труднее подводить итоги нашему поколению, и все-таки верно говорят издавна, что надежда умирает последней. И сердце не мирится с невиданным разгулом стяжательства и подлости, казалось бы, уже полонивших растерянных россиян. Сердце не мирится с беспределом, нагло отрицаю-

щим не только тысячелетние народные мечты, но и вечную веру в торжество справедливости, которой питалась вся мировая культура. И обращаясь к страницам Василия Белова, в глубинах народной жизни, им первоначально воссозданной, мы ищем почву для надежд.

Итак, найдутся ли те, кто почувствуют в себе смелость и силу, чтобы вековые «закладные» были ликвидированы? Тогда народ снова обрел бы себя, а Россия надежно утвердила свое достоинство в мире и былую мощь, никем не оспоримую, но мирную и созидательную. Этого ждут истинные хозяева России, у кого прочны национальные корни. Этот пафос создал великое русское искусство в XIX веке, всемирно признанное и почитаемое.

Кто же, ну — кто?..

Апрель, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Путями века	3
Отшумевшая жизнь	8
Глум	26
Заложники	47

*Издание подготовлено к печати при поддержке
Администрации Вологодской области*

ОБОТУРОВ
Василий Александрович

ЗАЛОЖНИКИ

Редактор *А. А. Цыганов*
Художник *Э. В. Фролов*

Сдано в набор 28.05.2003 г. Подписано в печать 18.06.2003 г.
Формат 70x108/32. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 2,45.
Печать офсетная. Тираж 999. Заказ 1943.

Вологодская писательская организация
160035, г. Вологда, ул. Ленина, 2.
ООО ПФ «Полиграфист», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

Сын крестьянской России, Василий Белов с молодости сердцем понял судьбу Родины, своих земляков и соотечественников. Уже крохотные этюды «На родине» (1962) и «Не гарывали» (1968) открыли не только его неизбывную любовь к матери-России, но и провидение ее трагической судьбы.

«ВОЛОГДА • ХХІ ВЕК»

Василий ОБОТУРОВ

«Заложники»

ВОЛОГДА • 2003